

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН ПЕРЕПИСКА С ФЕДОРОМ СОЛОГУБОМ И Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

(Публикация Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич)

Три поэта, приветствовавшие появление Игоря Северянина в литературе, — К. М. Фофанов, В. Я. Брюсов и Ф. Сологуб — навсегда остались для него непререкаемыми авторитетами. Об этом говорят посвященные им стихи, мемуарные очерки, письма. Каждый из них занимал свое особое место в творческой и личной судьбе Северянина. Общение с Фофановым, в связи с его ранней кончиной, оказалось недолгим.¹ Взаимоотношения с Брюсовым, восторженно принявшим первые яркие шаги Северянина в литературе, были прерваны на несколько лет, так как Северянин истолковал его критику в свой адрес как личную обиду, и восстановились лишь за год до отъезда поэта в Эстонию.² И только отношения с Сологубом, автором предисловия к первому сборнику стихов Северянина «Громокипящий кубок», выдержали проверку временем, были не только поклонением и почитанием с одной стороны, и покровительственной опекой — с другой, но и

---

¹ См. мемуарные очерки Северянина о Константине Михайловиче Фофанове (1862—1911), написанные в 1923—1924 гг.: «Из воспоминаний о К. М. Фофанове», «О творчестве и жизни Фофанова», «Цветы неувядные. (Лирика Фофанова)», «Цветы розовой окраски... (О лирике Фофанова)» // *Северянин И.* Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 7—28. См. также: *Документова Н. Т.* Игорь Северянин и Константин Фофанов. (По архивным материалам) // *Творчество писателя и литературный процесс: Слово в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. трудов.* Иваново, 1993. С. 126—133.

² О непростых взаимоотношениях с Брюсовым Северянин рассказал в 1927 г. в очерке «Встречи с Брюсовым» (*Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 29—35). См. также: *Анчугова Т. В.* Брюсов и Северянин // *Брюсовский сборник.* Ставрополь, 1977.

приобрели дружеский характер. Не стала помехой разница в возрасте, творческой манере, положении в литературной иерархии.

Мало кто из критиков и мемуаристов обошел стороной участие в судьбе Северянина Федора Сологуба.

Вот что писал Вл. Гиппиус: «Стихотворения Игоря Северянина — не новость. Уже в течение нескольких лет молодой поэт издавал свои тоненькие книжечки (кажется, около 30), считая себя главой „эгофутуристов“, — с трогательными объявлениями на задней стороне коричневых обложек, что интервьюеров он принимает в такие-то дни и часы, знакомых дам — в такие-то, молодых поэтов, приходящих за советом, в такие-то. Если верить этим объявлениям, то он был уже широко известен кому-то до этого года, и только теперь Федор Сологуб представляет его всем русским читателям, написав предисловие к его избранным стихам и, надо думать, приняв близкое участие в составлении сборника: по крайней мере, название его, кажется, вызвано предисловием, а не обратно. <...> Тот, кого истомила самая тягостная из всех скук, какие когда-либо в нашей литературе снились, кто создал для русского общества — рядом с вдохновенным культом смерти — злое издевательство над его пошлостью — Передонова, приветствует в новом поэте „грозу в начале мая“».³

Далее Гиппиус объяснил причины интереса Сологуба к молодому поэту: «Я не хочу сказать, что Игорь Северянин рассудочнее многих, но он рассудочен, как и все; в нем нет той непосредственной свежести, которую хочет видеть в нем Сологуб, сам истомившийся от сознательности — истомившийся и обрадовавшийся, как ребенок, поэзии, которая показалась ему ребячливой, младенчески-ясной!».⁴

Тэффи отметила воздействие Сологуба на становление Северянина как поэта: «Первые стихотворения его были чересчур галантерейные. Вроде цветочного одеколona. В них много говорилось о платьях муаровых, интервалах брокаровых. Потом, при помощи Сологуба, цветочный одеколон исчез», и, вспоминая о первом выходе Северянина на эстраду — на устроенном для нее вечере, писала: «Так произошло крещение Игоря. А года через два, когда он понравился Сологубу и тот повез его в турне по всей России, он вернулся уже прославленным поэтом, и никого не смущало заявление с эстрады, что он гений и что у него „дворец двенадцатизэтажный“, у него „принцесса в каждом этаже“».⁵

---

³ Гиппиус Вл. Русская хандра // Речь. 1913. 24 июня. № 169; цит. по изд.: Игорь Северянин. Царственный паяц: Автобиографические материалы. Письма. Критика / Сост., вступ. статья и коммент. В. Н. Терехиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой. СПб., 2005. С. 355.

⁴ Там же.

⁵ Тэффи. Печальное вино: Рассказы, фельетоны, воспоминания. Воронеж, 2000. С. 456.

Артур Лурье вспоминал, как Леонид Андреев, будучи под сильным впечатлением от стихов Сологуба, «говорил с шутовым ужасом: „Я его боюсь, он колдун!“», отмечая, что «эта репутация была твердо установлена за Сологубом, который был добрейшим из людей, несмотря на свое ледяное спокойствие, смущавшее посторонних, и на бесстрастное выражение лица. Тихий, ласковый, Ф. К. Сологуб любил молодежь так же отечески нежно, как и Кульбин».⁶

Не принимавшая творчества Северянина, однако называвшая его «самым талантливым», «единственным «поэтом» из эгофутуристов З. Н. Гиппиус⁷ с некоторой язвительностью писала Ан. Чеботаревской 17 февр. 1913 г. из Ментоны: «Пропагандирую стихи Вашего Игоря, очень забавляла ими Минского, нашла даже его, Игоря, интонации, только, к сожалению, мало помню, едва-едва. Если б Вы были добренькая, Вы бы прислали мне кое-что из его забавных „творений“ — сюда. Ручаться, что он и за границей будет „оэкранен“ — я не могу, но все же двух-трех здешних невежд могу просветить насчет „кленоходов“. И то пища.

В нашем сомптюозном отеле мы даже спрашивали *crème de violette*, ругали метрдоителя, „когда он отказал“, но тот нам едко возразил, что это, вероятно, „русское изделие“. Я не показала виду, но смутилась: а вдруг — доморощенное в самом деле? И столь же приемлемое для провинциального лишь вкуса, как сам Игорь?..».⁸

В футуристическом окружении Северянина существовала такая точка зрения на роль Сологуба в его судьбе. Д. Д. Бурлюк, и спустя годы (в 1930 г.), считал, что «Сологуб приветил Северянина тогда, когда это сделала уже толпа издателей и ручеек курсисток. Когда в этом признании не было уже никакого открытия нового светила. Когда Северянин через головы критиков и газет, готовых замолчать вдруг, стал модным поэтом, а издатели, купив право изданий за сотни рублей, продали книги в неслыханном тираже — до полусотни тысяч экземпляров».⁹

---

⁶ Лурье А. Наш марш // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94; цит. по изд.: Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания. СПб., 1999. С. 434.

⁷ См. статью З. Н. Гиппиус (под псевд. Антон Крайний) «О „Я“ и „Что-то“» — о кружке русских эгофутуристов, которых она считает «бездарными» и «беспомощными», признавая талант лишь у Северянина (хотя его имя не называется). См.: Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 334—335.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 81, л. 4 об., 5 об. Гиппиус высмеивает одно из типичных для раннего Северянина стихотворение «Фиолетовый транс» (1911), в котором автор грезит о кабриолете («кленоходе»), фиалковом ликере «*Crème de Violette*».

⁹ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 70.

В главе своих воспоминаний, посвященной Сологубу, Бурлюк продолжал утверждать: «Сологуб сделал свое имя причастным новейшей литературе русской, когда он снабдил предисловием первый том сочинений эгофутуриста Игоря Северянина, „Громокипящий кубок“, и само название книжки, несомненно, насоветовано Федором Кузьмичем».¹⁰

Б. К. Лившиц в своей значимой для истории футуризма книге «Полутораглазый стрелец» (Л., 1933), в главе «Зима тринадцатого года», рассказывая о знакомстве с Северяниным, придерживался несколько иного взгляда: «Северянин находился тогда в апогее славы. К нему внимательно присматривался Блок <...> О нем на всех перекрестках продолжал трубить Сологуб, подсказавший ему заглавие „Громокипящего кубка“ и своим восторженным предисловием немало поспособствовавший его известности».¹¹

Северянин оставил и собственные мемуарные очерки о Сологубе, написанные в 1927 г.: «Салон Сологуба», «Сологуб в Эстляндии», «Эстляндские триолеты Сологуба», «Умер в декабре (Памяти Ф. Сологуба)».¹²

Кроме того, о важнейшем для себя знакомстве, состоявшемся «в студеный полдень октября» 1912 г., Северянин рассказал в «Автобиографическом романе» в стихах «Колокола собора чувств»: их познакомил молодой литератор И. В. Игнатъев,¹³ который вел переговоры с Сологубом об участии в альманахе «Орлы над пропастью». Игнатъев сообщил Северянину, что Сологуб согласен: «Но под условием, чтобы Вы // С ним познакомились и лично // Поговорили...». Вскоре Северянин оказался в гостинной Сологуба на Разъезжей улице. Его первые впечатления были таковы: «Взор рысий // Из-под блистающих очков // Впился в меня», «Такой насмешливый и сытый», «делал резко замечанья // По поводу моих доктрин // Футуристических». Однако стихи, прочитанные гостем, вызвали одобрение Сологуба: «Он улыбнулся, он вздохнул... // И понял я, что было в этом // Так мно-

---

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 452.

¹² См.: Северянин И. Соч. Т. 5. С. 39—62.

¹³ Игнатъев Иван Васильевич (наст. фам. Казанский; 1892—1914) — поэт, критик, теоретик эгофутуризма, издатель. В январе 1912 г. начал издавать газету «Петербургский глашатай» (вышло 4 номера), при ней вышло 9 альманахов и несколько книг эгофутуристов. К сотрудничеству в своих изданиях Игнатъев привлек не только Северянина, но и Сологуба с Чеботаревской (см. об этом его письма к ним: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 298, оп. 5, № 113). Подробнее см.: Парнис А. Е. Игнатъев Иван Васильевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 398—399.

го доброй теплоты // И разволнованной мечты». «Так совершался мой восход: // Поэт был очарован мною, — // Он вместе со своей женою // Немало приложил забот, // Чтоб выдвинуть меня из мрака // Безвестности». «И, несмотря на все старанья // Презренных критиков, взошел // Я на Поэзии престол!»; и далее: «Недели через две в салоне // Своем дал вечер мне Кузмич. // За ужином сказал он спич // В честь „блещущей на небосклоне // Вновь возникающей звезды“, // И приглашенные светила // Искусства за мои труды // Меня приветствовали мило // И одобрительно. А „Гриф“ // Купил „Громокипящий кубок“». ¹⁴

Вполне естественно, что, рассказывая о периоде живого общения с Сологубом спустя многие годы, находясь вдали от родины, Северянин окрашивал ранее происходившее в идиллические тона, отодвигал негативные и конфликтные моменты на второй план. На первый же план выступала память о сердечном участии Сологуба и Чеботаревской в его судьбе и чувство вины за проявленную в свое время неблагодарность к ним. Следует учитывать и то, что литераторы, входившие в круг общения Северянина, относились к нему по-разному: покровительствовали, преклонялись, подражали, смотрели свысока (достаточно вспомнить уничижительные описания Б. Лившица и Г. Иванова посещения петербургской квартиры Северянина¹⁵), отмечали несовпадение его стихов и реальной жизни, его малообразованность — 4 класса реального училища. Северянин это понимал, видел, чувствовал и, естественно, нуждался в человеческой поддержке. Очевидно, он нередко получал эту поддержку от Сологуба и Чеботаревской (в его письмах — постоянные благодарности за заботу, за присланные во время болезни фрукты, за приглашения и проч.) и даже на пике славы ценил их расположение. Трудно себе представить взаимоотношения такого же рода с поддерживавшим ранее Северянина Брюсовым.

¹⁴ Северянин И. Соч. СПб., 1995. Т. 3. С. 241—244.

¹⁵ Б. Лившиц так описывал быт Северянина: «Северянин жил на Средней Подъяческой, в одном из домов, пользовавшихся нелестною славой. Чтобы попасть к нему, надо было пройти не то через прачечную, не то через кухню, в которой занимались стиркой несколько женщин. <...> Мы очутились в совершенно темной комнате с наглухо заколоченными окнами. Из угла выплыла фигура Северянина. Жестом шателена он пригласил нас сесть на огромный, дребезжащий всеми пружинами диван. Когда мои глаза немного освоились с полумраком, я принялся разглядывать окружающую нас обстановку. За исключением исполинской музыкальной табакерки, на которой мы сидели, она, кажется, вся состояла из каких-то папок, кипами сложенных на полу, да несчетного количества высохших букетов, развешанных по стенам, пристроенных где только можно. Темнота, сырость, должно быть от соседства с прачечной, и обилие сухих цветов вызывали представление о склепе. Нужна была поистине безудержная фантазия, чтобы, живя в такой промозглой трущобе, воображать себя владельцем воздушных „озерзамков“ и „шалэ“» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 455—456). См. также: Иванов Г. Петербургские зимы // Иванов Г. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 26—31.

Публикуемые письма позволяют не только воссоздать подробности истории знакомства молодого эгофутуриста с крупнейшим русским поэтом-символистом и его супругой — участницей всех творческих начинаний мужа, но и представить взаимоотношения двух поэтов как обоюдный процесс, раскрывающий особенности конкретного историко-литературного момента. Переломный характер этого момента неоднократно отмечен современниками. К примеру, Блок в дневниковой записи от 17 окт. 1911 г. так охарактеризовал его: «Весьма вероятно, что наше время — великое и что именно мы стоим в центре жизни, т. е. в том месте, где сходятся все духовные нити...».¹⁶ Установление дружеских и творческих связей Северянина и Сологуба было одним из случаев такого «схождения».

В 1927 г. Северянин назвал Сологуба «самым изысканным русским поэтом» и «самым близким» после Фофанова из современников. Однако в начале 1910-х гг. он вообще не упоминал имени Сологуба в обширном списке своих любимых и нелюбимых поэтов. Например, 15 июня 1911 г. он признавался поэту Борису Дмитриевичу Богомолу: «Говоря откровенно, я не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, ни В. Иванова, ни Блока, ни Кузмина. У каждого из них, верю и даже знаю, есть хорошие стихи, но как поэтов я не люблю их по разным причинам. Не люблю и многих стариков: Коринфского, Уманова-Каплуновского, Щепкину-Куперник, Allegro и друг<их>. Равнодушен к сотням, каковы, напр<имер>, Вл. Лебедев, Голенищев-Кутузов, Ратгауз, Вл. Ленский, разные Дудины и Разы. Боготворю Мирру Лохвицкую, считая ее величайшей мировой поэтессой, гениальной поэтессой. <...> Затем: я очень люблю Фофанова и Бодлэра. Лишь нравятся Гумилев, Эренбург, Бунин, Гофман Виктор, Черубина де Габриак, Тэффи».¹⁷

При этом контакты с писателями-модернистами старшего поколения, несомненно, входили в тактические планы Северянина, пытавшегося занять собственное место в литературе. С осени 1911 г. Северянин состоял в переписке с Брюсовым, и важнейшим импульсом к сближению с Сологубом послужило стремление Северянина, регулярно подвергавшегося нападкам прессы («презренных критиков»), обрести поддержку еще одного маститого писателя.

Данная тактика оказалась вполне оправданной: именно писатели-современники (В. Брюсов, З. Гиппиус, А. Блок, Н. Гумилев и др.),

---

¹⁶ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Л., 1963. Т. 7. С. 69.

¹⁷ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 75. Ср. также «Автобиографическую справку» Северянина: «Любимые поэты: в детстве — гр. Ал. К. Толстой, затем — Мирра Лохвицкая, Фофанов, Бодлер» (Критика о творчестве Игоря Северянина. М., 1916. С. <5>).

единодушно отметив в Северяnine явный недостаток вкуса, образования и культуры, признали в нем несомненный талант. «Единственной по рядочной критикой являлась критика писателей, — отметил С. Бобров в статье «Северянин и русская критика». — В ней нет ни злопыхательства, ни издевок, а прямое доброжелательство к новому таланту. И Гумилев, и Брюсов, и Сологуб, и Ходасевич и даже в конце концов Кречетов не пробовали ругаться и плевать. Критика Мережковского, Крайнего, Тинякова явственно партийна и этим соображением легко отводится. <...> Подмигивания старичков из богаделен и пансионеров, вроде „Современного мира“, „Северных записок“ и т. п. также малоинтересны. И немедленно вслед за критикой писателей остальная критика поспешила раскланяться перед Игорем Северянином».¹⁸

В начале же 1910-х гг. Северянин остро нуждался в поддержке: помимо привычных нападков прессы еще за полтора года до знакомства с Сологубом он получил красноречивую оценку своего творчества в виде резолюции на прошение в Литературный фонд, на имя Л. Ф. Пантелеева:

В Литературный Фонд
Его Превосходительству
Лонгину Федоровичу Пантелееву

ПРОШЕНИЕ

поэта Игоря-Северянина
(Игоря Васильевича Лотарева),
проживающего в С.-Петербурге,
по Средней Подьяческой ул., д. 5, кв. 8.

Прошу не отказать Литературный Фонд в выдаче мне единовременного пособия, в размере 50 рубл<ей>. Я серьезно болен, необходимо немедленно переехать в деревню, но в настоящее время абсолютно никаких средств я не имею, вследствие чего и вынужден обратиться в Литературный Фонд, никогда ранее к помощи его не прибегая.

Игорь-Северянин.
(Игорь Васильевич Лотарев).

26-го мая 1911 г.

К прошению приложены библиографические сведения о «литературной деятельности» Игоря Лотарева, выпустившего к тому времени около 30 брошюр стихов (датированы 30 мая 1911 г.), с хвастливым сообщением: «Книги мои продаются в лучших книжных магазинах С.-Петербурга, Москвы и друг<их> больших городов».¹⁹

¹⁸ Бобров С. Северянин и русская критика // Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 319.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 155, Журнал заседаний Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд»), № 15, л. 2/15. Пять брошюр со стихами прилагались к прошению.

В журнале заседаний Комитета Литературного фонда 31 мая 1911 г. в графе «Определили» записано: «Отклонить за малыми правами».²⁰ Более подробная и обидная резолюция зафиксирована в картотеке к документам Литературного фонда, предназначенной для внутреннего пользования: «Председатель запросил труды. Ввиду полной бездарности, по отзыву Я. Я. Гуревича, отклонить».²¹

Поддержки «мэтров» Северянин искал и как организатор группы эгофутуристов. В октябре 1911 г. он выпустил брошюру «Пролог „Эгофутуризм“». Поэза-грандиоз. Апофеозная тетрадь 3-го тома» (СПб.), а в январе 1912 г. — листовку с манифестом эгофутуристов «Скрижали», подписанную кроме него поэтами К. Олимповым, Грааль-Арельским и Г. Ивановым. Объединение эгофутуристов оказалось неустойчивым практически с момента основания: в мае 1912 г. от группы отошли примкнувшие к «Цеху поэтов» Г. Иванов и Грааль-Арельский.²² 24 мая 1912 г. Северянин писал по этому поводу Брюсову: «Давно собираюсь Вам сообщить, что Грааль-Арельский и Георгий Иванов, „оставаясь со мною в лучших отношениях“, в ректорiate Академии Эгопоэзии больше не состоят и „Футуризму не сочувствуют“: гг. синдики „Цеха поэтов“ „нашли несовместимым и то и другое“, и вот — „им пришлось делать выбор“...».²³

Самая первая корреспонденция Северянина Сологубу — в виде листовки «Вселенский Эгофутуризм» — датирована 3 сент. 1912 г., т. е. еще до их личного знакомства. Письмо адресовано «Федору Сологубу (Тетерникову)», на Разъезжую ул., д. 31, но без указания номера квартиры.

Поводом для знакомства, как описано в поэме «Колокола собора чувств», послужило намерение Северянина и Игнатьева привлечь Сологуба, наряду с Брюсовым, к участию в альманахе «Орлы над пропастью». 22 сент. 1912 г. Игнатьев писал Сологубу: «М<илостивый> Г<осударь> Ф<едор> К<узъмич>. Не найдете ли возможным прислать для очередного альманаха „Петербургского Глашатая“ одну из Ваших пьес, чем премного обяжете. С уважением к Вам. И. В. Игнатьев».²⁴ 30 сент. Северянин в связи с этим сообщил Брюсову: «Вскоре владелец газеты „Петерб<ургский> глашатай“ издает третий альманах — „Орлы

²⁰ Там же, л. 1.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 155, Внутренняя картотека, карточка № 152.

²² Подробнее см.: *Крусанов А.* Русский авангард. СПб., 1996. Т. 1. С. 63—70; *Богомолов Н. А., Петросов Г. К.* Северянин Игорь // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 534—535.

²³ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 87.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 298, л. 1 об.

над пропастью“ — и, вследствие этого, ведет в настоящее время переговоры с Ф. К. Сологубом, который, кажется, примет участие в нем». ²⁵

Возможно, следующая листовка — «Открытое письмо Игоря-Северянина», представляющая собой ответ Северянина К. Олимпову на обвинения в плагиате, с почтовым штемпелем 25 окт. и полным адресом, была отправлена Северяниным Сологубу уже после их встречи. А 17 нояб. 1912 г. Северянин писал Чеботаревской о своем конфликте с Игнатьевым (см. письмо № 2). Практически в тех же выражениях и в том же тоне Северянин оповещал о развитии событий и Брюсова в письме от 20 нояб.: «После выхода упомянутого альманаха я вышел из состава Дирекции и больше не сотрудничаю в изданиях „Петерб<ургского> глашатая“. Я мотивирую свой уход желанием одиночества и баснословной добротой И. В. Игнатьева, пропагандирующего людей, отстоящих на „почтительном“ от Поэзии расстоянии... Покончив все дела с „Петерб<ургским> глашатаем“, я выражаю Вам, душевноценный Валерий Яковлевич, свою горячую благодарность за Ваше могущественное сотрудничество в альманахах. Вы сделали этим для меня очень и очень многое, и я бессмертно с Вами душой и мыслью». ²⁶

Вдохновленный «могущественным сотрудничеством» признанных мастеров слова Северянин 8 дек., одновременно Сологубу и Брюсову, высылает свою очередную брошюру — «Эпилог. „Эгофутуризм“» с практически одинаковыми надписями: «Мне Дорогому Федору Сологубу любящий Игорь-Северянин. 1912 XII, 8»; ²⁷ «Мне дорогому Валерию Брюсову — Игорь Северянин. 1912. XII. 8». ²⁸

Помимо этой брошюры и листовок Северянин неоднократно посылал Сологубу и Чеботаревской стихотворения, проникнутые готовностью отстаивать свою творческую позицию. ²⁹ Так, 2 нояб. 1912 г. Северянин отправил Сологубу посвященное ему стихотворение «Поэза не для печати», датированное октябрём 1912 г., впоследствии опубликованное в сборнике «Миррэлия» с датой «1913». Оно начиналось обращением к потенциальным противникам:

---

²⁵ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 87.

²⁶ Там же. С. 89.

²⁷ В связи с этим Сологуб писал Анастасии Николаевне Чеботаревской в декабре 1912 г.: «Игорь Северянин прислал тебе и мне по книжке, — „Эпилог эгофутуризма“» (Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Незданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 323).

²⁸ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 586.

²⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 25.

Остритесь, ядовитые иглы!
Плетись, изысканный тернец!
Мы зреть Антихриста достигли,
Свой оголгофили конец.³⁰

Что же вызвало встречный отклик Сологуба? Одно из объяснений возникновения интереса Сологуба к Северянину, перешедшего впоследствии и в «дружбу домами», и в совместную творческую деятельность (литературные вечера, поездки, сборники), следует искать в том, что Сологуб воспринял творческие новации Северянина как «свежую волну». Сологуб с интересом относился к исканиям молодых поэтов, в том числе и эгофутуристов (в частности, в библиотеке Сологуба имелся экземпляр книги Грааль-Арельского «Голубой ажур», приобретенный в марте 1912 г.³¹).

Экспериментальность стихов Северянина привлекла Сологуба в контексте его собственных творческих поисков. Сологубу был близок индивидуалистический пафос Северянина. З. Н. Гиппиус точно подметила в статье «О „Я“ и „Что-то“», что в декадентстве 90-х гг. «главным» было «Я», которое «в наши дни уже едва чувствительно», но при этом появились эгофутуристы, которые пытаются «занять в современной литературе позицию, которую когда-то заняли декаденты — старость нового, но помельче, ибо декаденты шли от Фета, а нынешние от Фофанова».³² А Вл. Кранихфельд отметил в статье «80 тысяч верст вокруг себя»: «Брюсов признал „какую-то правду“ левой поэзии; Сологуб в приторных словах приветствует музу „многообещающего таланта“ И. Северянина, и это не случайно: футуристы — „законные дети и правопреемники“ литературного декаданса 90-х годов».³³

И действительно, если в конце 1900-х гг. Сологуб как поэт переживал творческий кризис (согласно данным авторского библиографического указателя к лирике, в 1908 г. было написано 22 стихотворения, в 1909 — 16 стихотворений, в 1910 — 15, в 1911 — 19, в 1912 — 16³⁴), то в пору знакомства с Северяниным эта ситуация резко изменилась. Уже 1913 год — год наиболее тесного общения с поэтом-эгофутуристом — был отмечен для Сологуба небывалым творческим подъемом (он создал свыше 200 стихотворений), а воздействие Северянина не осталось без внимания критики. Так, А. Измайлов откликнулся на выход семна-

³⁰ Северянин И. Соч. СПб., 1995. Т. 2. С. 381.

³¹ См.: Шаталова Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Незданный Федор Сологуб. С. 509.

³² Новая жизнь. 1912. № 3. С. 163—172.

³³ Современный мир. 1913. № 4. С. 96—97.

³⁴ См.: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 543.

дцатого тома собраний сочинения Сологуба «Очарования земли. Стихи 1913 года» (СПб.: Сирин, 1914) статьей «Учитель и ученик», где не без иронии отметил, что Сологуб стал писать стихи, которым «впрямь место в футуристическом сборнике».³⁵

Предыдущий 1912 год был сложным в творческой биографии Сологуба. Поэт оказался, с одной стороны, в недоброжелательной изоляции в связи с негативными оценками критики его драматических произведений,³⁶ а также обвинениями в «поэтизации смерти».³⁷ С другой стороны, он сам настороженно относился к новейшим течениям в русской поэзии, в частности к «Цеху поэтов». В этой ситуации Северянин, искавший собственный литературный круг и пытавшийся вначале установить контакты с акмеистами,³⁸ в итоге сблизился с символистами. Показательно, что именно по приглашению В. Я. Брюсова 20 дек. в московском литературно-художественном «Обществе свободной эстетики» состоялось первое публичное выступление Северянина.

Молодой поэт был вовлечен в литературно-общественную жизнь Сологуба во многом по инициативе Чеботаревской (что подтверждается, в частности, значительно большим числом писем Северянина к ней по сравнению с числом его писем к Сологубу). Она видела в молодом поэте потенциального «союзника» в рядах защитников интересов мужа. Сам Северянин в очерке «Салон Сологуба» писал об этом: «Вообще, Чеботаревская делила людей на две определенные категории: приемлемых и отторгнутых».³⁹ Северянин становится посетителем домашних литературно-артистических вечеров в квартире Сологуба на Разъезжей улице. В одной из тетрадок Сологуба «Лит<ературные> и театр<альные> записи» за декабрь 1912 г. отмечено, что 9 дек., в вос-

³⁵ См.: Русское слово. 1914. 7 июня. № 130. С. 2.

³⁶ В связи с подготовкой постановки пьесы «Заложники жизни» Вс. Мейерхольдом в Александринском театре писатель стал объектом далеко не всегда благожелательного внимания прессы; пьесу «Мечта-победительница», близкую по теме «Заложникам жизни», поставленную Б. Неволиным в Тенишевском зале, газеты называли «мечтой-развратительницей». См.: *Галанина Ю. Е.* Вокруг «Заложников жизни» // Мейерхольд и другие: документы и материалы. М., 2000. С. 159—160.

³⁷ В разгар кампании, организованной в 1912 г. газетой «Биржевые ведомости» для борьбы с ростом самоубийств в России, А. А. Измайлов выделил именно Сологуба как «убежденного и талантливую апостола» поэтизации смерти (см.: *Измайлов А.* Банкротство идеалов // *Измайлов А.* Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 25—26).

³⁸ Н. Гумилев с интересом относился к творчеству Северянина, писал, что стих его «свободен и крылат», а образы «радующе неожиданны» (Аполлон. 1911. № 5. С. 76). О контактах Северянина с «Цехом поэтов» см. в коммент. Р. Д. Тименчика к изд.: *Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 324—325.

³⁹ *Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 43.

кресенье, «был Игорь Северянин».⁴⁰ 1 янв. 1913 г. Северянин писал Брюсову: «Новогодье я встречал у милого Федора Кузьмича, где было всего семь человек — интересных; его зовы к себе как магниты».⁴¹

Очевидно, ориентируясь на столь яркое явление, как открывшееся в ночь на 1912 г. петербургское литературно-художественное кабаре «Бродячая собака», Сологуб задумал создать собственное, но уже артистическое кабаре. Показательно, что первым из будущих его участников был назван не кто иной, как Северянин: «Открывается в Петербурге новое кабаре. Ближайшее участие в нем будут принимать Федор Сологуб, Анастасия Чеботаревская, Игорь Северянин и др.».⁴²

12 янв. 1913 г. Чеботаревская обращалась к В. Э. Мейерхольду, на режиссерский опыт которого возлагались большие надежды: «Завтра, <в> воскресенье, мы решили собраться в 4 ч<аса> дня у нас — насчет cabaret — пожалуйста, придите, м<ежду> п<рочим>, Игорь Северянин написал маленькую вещицу, очень милую, которая могла бы пойти в программе».⁴³

Имя Северянина стало все чаще упоминаться в рассуждениях современников о дальнейших путях развития русской поэзии. Например, Брюсов писал Чеботаревской 9 февр. 1913 г.: «Ни в какой „акмеизм“ я, конечно, — как и вы, — не верю <...> Это не мешает мне, однако, считать Гумилева, Городецкого, Анну Ахматову — поэтами интересными и талантливыми. Ваш „Игорь“ мне тоже очень нравится, и в его будущее я верю».⁴⁴ Георгий Иванов так прокомментировал выступление Сологуба с лекцией «Искусство наших дней», состоявшееся 1 марта 1913 г. в Тенишевском зале: «Очень верно было подмечено лектором любовное отношение нового искусства к предметам и понятиям, считавшимся доселе низкими и искусства недостойными. Странно только, что, защищая это отношение, он цитировал стихи Игоря Северянина, поэта конечно талантливого, но творчество которого так разоткано из всевозможных красотей».⁴⁵ Летописец культурной жизни своего времени, петербургский литератор и коллекционер,

---

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81, л. 89. Сохранилась еще одна запись в другой тетради, от 18 янв. 1915 г.: «Вечером Тиняков, Маныч с вином. Послали за Северяниным. За 200 р. отдал инсценировку „Тяжелых снов“. Написали в бумаге 350; остальные 150 р. Маныч обещал в рассрочку. Ушли в 4 ч. утра» (Там же, л. 139 об.).

⁴¹ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 91.

⁴² День. 1913. 1 февр. № 30. С. 6.

⁴³ Цит. по: *Галаншина Ю. Е.* Кабаре Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской // *Русская литература.* 2003. № 4. С. 227.

⁴⁴ *Валерий Брюсов.* Письма к петербургским и московским литераторам / Публ. Э. С. Литвин, А. Н. Дубовикова, М. В. Рыбина, К. Н. Суворовой, Н. А. Трифонова // *Литературное наследство.* М., 1976. Т. 85. С. 702.

⁴⁵ Аполлон. 1913. № 4. Апрель. С. 50.

Ф. Ф. Фидлер записал в своем дневнике высказывание С. Городецкого по поводу альянса старших символистов и Северянина: «...он (как и прочие) бранил эгофутуристов и счел непростительным, что Сологуб и Брюсов заступаются в печати за какого-то Игоря Северянина».⁴⁶

Отношения Сологуба и Северянина развивались настолько благоприятно, что мэтр символизма пригласил молодого поэта принять участие в турне по городам России для выступлений на своей лекции «Искусство наших дней» с чтением стихов. Если для Сологуба поездки с лекциями по городам России в 1913—1914 гг. были некой просветительской миссией, то Северянин, скорее всего, рассматривал их как одну из форм самоутверждения, столь необходимого для начинающего поэта. И Сологуб, надо сказать, одобрительно относился к подобному удовлетворению амбиций. Сологубу и Чеботаревской нравилось не только сотрудничать с молодым поэтом, но и опекать его. В дневнике Фидлера приводится запись разговора с Сологубом 23 февр. 1913 г. с примечанием: «Он прочел наизусть два длинных стихотворения Игоря Северянина, которого считает очень талантливым. (Он, по словам Сологуба, живет со своей матерью в такой нищете, что уже «разучился» обедать)».⁴⁷

В процессе подготовки к весенней поездке 1913 г. Северянину пришлось еще и спешно хлопотать о получении паспорта. Очевидно, Сологуб и Чеботаревская оказывали ему содействие: в архиве Сологуба сохранились подлинные личные документы Северянина. Среди них — это прошение:

Его Превосходительству
Господину С.-Петербургскому Градоначальнику⁴⁸

Сына отставного Штабс-Капитана
Игоря Васильевича Лотарева, проживающего
в г. С.-Петербурге, по Средней Подъяческой ул.,
д. № 5, кв. № 8.

ПРОШЕНИЕ

В настоящее время я проживаю в С.-Петербурге без паспорта, и местный участковый пристав, к которому я обратился с просьбой выдать мне таковой, отказал мне в этом на

---

⁴⁶ Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008. С. 606.

⁴⁷ Fiedler F. Aus der Literatenwelt: Charakterzüge und Urteile. Tagebuch / Herausgegeben von Konstantin Azadowski. Göttingen, 1996. S. 445. Благодарим К. М. Азадовского за указание на цитату и перевод ее.

⁴⁸ С января 1907 г. по июль 1914 г. градоначальником С.-Петербурга был генерал-майор свиты его императорского величества — Драчевский Даниил Васильевич (1858—1918).

том основании, что у меня нет свидетельства о приписке к призывному участку. У меня действительно такого свидетельства нет, и мне неизвестно, приписан ли я к призывному участку или нет. Дело в том, что до моего совершеннолетия я проживал с покойным отцом моим в городе Дальнем, где мне была выдана в 1903 г. паспортная книжка сроком по 4 мая 1908 г., т. е. по день моего совершеннолетия. Из этой книжки не видно — приписан я или нет. Отец мой скончался в 1904 г., как видно из прилагаемой при сем метрической справки.⁴⁹

Среди принадлежавших Северянину документов в архиве Сологуба имеется заверенная копия послужного списка Василия Петровича Лотарева (1859—1904), завершенного записью о зачислении его «высочайшим приказом от 3 марта 1895 г. в запас полевых инженерных войск по Петербургскому уезду»,⁵⁰ а также подлинник Удостоверения пристава 4-го участка Спасской части С.-Петербургской Столичной полиции от 12 сент. 1912 г.: «Дано сие вследствие прошения, вдове отставного штабс-капитана Наталье Степановне Лотаревой, для представления в С.-Петербургское Городское по воинской повинности Присутствие, в том, что она вдова по второму браку, от роду имеет 67 лет, имеет от второго брака сына Игоря, родившегося 4 мая 1887 года, более сыновей не имеет; в чем с приложением печати удостоверяю».⁵¹

Возможно, ввиду отсутствия паспорта, Северянину для поездки было необходимо медицинское свидетельство, подлинник которого, с сургучной печатью и гербовой маркой, также остался в архиве Сологуба и Чеботаревской:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано настоящее свидетельство сыну штабс-капитана в отставке, Игорю Васильевичу Лотареву, в том, что он находится в моем пользовании от резко выраженной неврастении с часто повторяющимися, на этой почве, припадками бронхиальной астмы, и что ему необходимо длительное лечение на юге России, в теплом и сухом климате, при полном физическом и умственном покое, — в чем подписью своею и приложением печати удостоверяю.

С.-Петербург. 14 февр<аля> 1913 г.
Доктор Эм. Вассерберг.

Судя по всему, хлопоты не увенчались успехом, и весной 1913 г. Северянину, очевидно, пришлось отправиться в поездку по городам России с каким-то иным документом, заменяющим паспорт. Он не был го-

---

⁴⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 34, л. 9. См. письмо Северянина № 22 к Ан. Чеботаревской об утерянных документах, в том числе своего паспорта 1903 г. и «метрики о смерти отца».

⁵⁰ Там же, л. 2—3.

⁵¹ Там же, л. 5. Документ подписан приставом и письмоводителем.

тов и в период подготовки ко второму турне. «Удобно ли будет ехать опять с листком?», — спрашивал Северянин у Сологуба в конце сентября 1913 г.⁵² Лишь 11 дек. 1913 г. Северянин сообщает в письме к неустановленной женщине: «Я получаю паспорт в субботу. Я делаюсь „полноправным“! Это Вы принесли мне радость!».⁵³

В публикуемых письмах нередко идет речь о том, что Северянин учит стихи Сологуба. Кроме того, в архиве Сологуба сохранилось множество афиш, программ, газетных вырезок, содержащих важную информацию о поэтических вечерах, лекциях и выступлениях. Вечера предварялись афишами и программами с тезисным изложением содержания лекции Ф. Сологуба. Особо выделялся раздел: «Поэтические иллюстрации». Указывались названия поэтических и прозаических произведений Сологуба и их исполнители: сам автор, Ан. Н. Чеботаревская и Игорь Северянин. В конце программы перечислялись стихотворения Северянина: «Весенний день», «Завет», «Эпиталама», «Поэза вне абонемент», «Рядовые люди», «Когда ночами все тихо-тихо», «Чувство Крылатое», «В Миррэлии», с указанием: «прочтет автор».⁵⁴

Во время путешествия, 6 марта 1913 г., после выхода 4 марта сборника Северянина «Громокипящий кубок», Сологубом написан триолет, которым так гордился Северянин, приводя в воспоминаниях единственную неточно запомненную строку: «Восходит новая звезда...». Это стихотворение может послужить еще одной иллюстрацией восприятия Сологубом молодого поэта:

Все мы, сияющие, выгорим,
Но встанет новая звезда,
И засияет навсегда.
Все мы, сияющие, выгорим, —
Пред возникающим, пред Игорем
Зарукоплетут города.
Все мы, сияющие, выгорим,
Но встанет новая звезда.⁵⁵

В цитированной уже автобиографической поэме Северянин признавался: «Я покорял толпу впервые», вспоминал, что Сологуб в своей «тончайшей лекции» — «пел меня, как соловей» и что называл «Блистательнейшим из всех // Поэтов, здравствующих ныне», создавал:

⁵² См. письмо Северянина к Сологубу № 3 в данной публ.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 840 (собр. М. С. Лесмана).

⁵⁴ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 56, л. 106, 215; № 57, л. 5.

⁵⁵ Впервые опубликовано: *Федор Сологуб*. Неизданные стихотворения. 1878—1927 гг. / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 88.

«Успех ему обязан мой»; «Заботится ли так отец, // Как обо мне старик...». ⁵⁶

Совместная поездка оказалась приятной как для Северянина, так и для Сологуба с Чеботаревской. 6 марта Анастасия Николаевна писала сестре, Александре Николаевне Чеботаревской: «Милая Саня! Чрез Минск и Вильну Бог пронес, теперь направляемся в Харьков. Едем очень весело — сочиняем стихи — даже я. Ф. К. вчера написал в пути 11 триолетов! Игорь очень мил, услужлив — в Вильне читал с успехом». ⁵⁷

В поэме «Колокола собора чувств» весеннее турне описано довольно подробно, в частности поездка Северянина и Чеботаревской в Крым в то время, как Сологуб выступал со своей лекцией в Полтаве. ⁵⁸ Ан. Чеботаревская и Северянин провели в Ялте два дня и затем поехали через Бахчисарай в Симферополь, где соединились с Сологубом. По этому поводу Сологуб написал шуточный триолет:

Что же делаешь ты в Ялте,
Милый маленький Малим,
Там, под небом голубым?
Что же делаешь ты в Ялте,
В фешенебельнейшем гвалте,
Вместе с Игорем моим?
Что же делаешь ты в Ялте,
Милый маленький Малим? ⁵⁹

В провинциальной прессе появлялись многочисленные отклики на выступления столичных гостей. «Вот они — экзотические гиперборейцы: Ф. К. Сологуб, А. Чеботаревская и Игорь Северянин, — восторженно писал корреспондент «Одесского листка». — Они сошли со льдин бездушного Петербурга, чтобы посетить наш благословенный юг. И в первые же дни, согретые лучами солнца, они растаяли. Игорь Северянин впервые в жизни заговорил о море. Сологуба потянуло в порт, а Чеботаревская стала спрашивать, расцвела ли уже сирень. Не всегда надо судить о личности писателей и поэтов — в особенности современных — по их произведениям. Сологуб, Чеботаревская и Северянин совсем не похожи на то, что они пишут: они гораздо понятнее, они гораздо проще, они вовсе не так воинственны и колючи, как их эстетические манифесты. Они просто симпатичные и милые люди». ⁶⁰

⁵⁶ Северянин И. Соч. Т. 3. С. 245.

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 189, № 173, л. 14.

⁵⁸ См.: Северянин И. Соч. Т. 3. С. 247.

⁵⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 6, л. 1867.

⁶⁰ Ардз. Наши петербургские гости // Одесский листок. 1913. 14 марта. № 62.

Не без внимания прессы остались и выступления Северянина. Например, в газете «Голос Кавказа» был помещен такой отчет о лекции Сологуба: «В пятницу, 5 апреля, в концертном зале „Артистического общества“ известный писатель беллетрист Федор Сологуб прочел лекцию на тему об искусстве наших дней. <...> За лекцией следовала иллюстрация новых неизданных поэтических произведений лектора. Читал стихотворения поэт Игорь Северянин; некоторые стихотворения отличаются красотой стихосложения и стиля, но некоторые совершенно не понятны, как напр. „Поэза вне абонемент“». Бурю восторга вызвало стихотворение „Кавказ“ и новый еще не напечатанный рассказ Ф. Сологуба, прочитанный самим автором. Концертный зал был положительно заполнен; среди публики много военных. Стиль чтения стихотворений Игорем Северяниным нараспев вызвал у непривыкшей публики к такого рода чтению довольно откровенный смех».⁶¹

Манера чтения Северянина вызывала и гораздо более резкие отклики: «После лекции происходило чтение произведений Сологуба и Игоря Северянина. К сожалению, прекрасные стихи Сологуба, столь сильные, интимные и глубокие в чтении автора, читались также и г. Северянином. Читает он „по-новому“, но это новое до того провинциально старо и безнадежно пошло, что от стихов Сологуба мало что осталось. В заключение г. Северянин читал собственные стихи, читал нараспев. Стихи — иные хороши, иные изломанно-бессмысленны и грубы. Дикция у г. Северянина весьма плоха и половины слов — не разобрать».⁶²

Несмотря на разноречивые отклики прессы, а также на то, что Северянин прервал весеннее турне и вернулся в Петербург («непонятное влечение // И неоправданный каприз» помешали Северянину «до Бату-ма // Добраться с милою четой»⁶³), Сологуб и Чеботаревская, очевидно, были удовлетворены результатами весенней поездки и решили продолжить совместные лекционные турне с Северяниным. О планировавшейся осенней поездке свидетельствует сохранившаяся в архиве Сологуба афиша с объявлением о назначенной на 1 окт. 1913 г. в Витебском Гражданском клубе лекции Ф. Сологуба, с участием Игоря Северянина и Ан. Чеботаревской.⁶⁴

Своеобразная интерпретация событий во время весеннего турне 1913 г. (а также планов осеннего) и взаимоотношений Северянина и Сологуба содержится в письмах-воспоминаниях поэта Вадима Бая-

⁶¹ Г. Л. Ц. На лекции Ф. Сологуба // Голос Кавказа (Тифлис). 1913. 7 апр. № 1944.

⁶² А. Д. Мороженое из вранья // Южные ведомости (Симферополь). 1913. 9 апр. № 81.

⁶³ Северянин И. Соч. Т. 3. С. 250.

⁶⁴ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 57, л. 12—13.

на.⁶⁵ Однако необходимо учитывать мотивы мемуариста, стремившегося «припудрить, прикрасить, наложить грим <...> на свою литературную биографию». Так, Баян заявляет: «Известно, что Игорь Северянин был моим ближайшим другом в литературном мире: он написал предисловие к моей книге и сотню теплых писем в мой адрес; посвятил мне три стихотворения; привез ко мне в дом Сологуба, Маяковского <...> Но когда он увидел, что у меня появились крепкие литературные бицепсы <...> он заметался как раненый зверь и завыл по моему адресу в своей бездарной поэме „Колокола собора чувств“ <...>, когда я вырос, он по-мещански облил меня грязью, оклеветал...».⁶⁶ Скорее всего, Баян таким образом «мстил» Северянину за уничижительное изображение в поэме. По воспоминаниям Вадима Баяна, «в ноябре 1913 года Сологуб договорился с Северянином насчет второго совместного турне по тем городам, где они еще не были — Двинск, Минск, Витебск и др.». Однако, по утверждению мемуариста, Северянин, получив «солидный аванс», «загулялся по Петербургу», «плюнул на Сологуба, на устроителя, на аванс, на свои обязанности <...> К моменту отхода поезда Сологуб купил ему билет, но он не явился, так и не поехал. Сологуб очень обиделся и выступал только вдвоем с Чеботаревской». На упрек Баяна в «вероломстве» и неблагодарности человеку, много сделавшему для его известности, Северянин (по словам Баяна) ответил: «Теперь мне Сологуб не нужен, я и без него обойдусь. Теперь у меня своя слава». Далее Баян вспоминал: «Спустя месяц Чеботаревская в письме ко мне назвала поступок Игоря черной неблагодарностью».⁶⁷

Писавший эти строки спустя много лет, осенью 1959 г., В. Баян допускал некоторые ошибки, неточности, а также — был, естественно, субъективен. Трудно поверить именно в «вероломность» поступка Северянина, его «черную неблагодарность» и прочее. Вероятно, внутренние причины поступка Северянина были гораздо сложнее.

Сам Северянин в одном из мемуарных очерков 1927 г., появившихся в связи с кончиной 5 дек. Федора Сологуба, с раскаянием вспоминал, как весной 1913 г. «неожиданно расхотел в Кутаисе продолжать с ними турне, хотя оставался только один Батум, и, несмотря на все уговоры и ласковые просьбы, умчался в Петербург (в поэме «Колокола собора чувств» уточняет: «к невесте», т. е. причина «уважительная». — Л. И., Т. М.). Мало этого: спустя несколько месяцев после первой по-

---

⁶⁵ Вадим Баян — псевдоним Владимира Ивановича Сидорова (1880—1966). См. о нем: *Аброскина И. И.* Вадим Баян // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 192.

⁶⁶ Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. Л. Дмитренко и А. В. Крусанова // *Минувшее: Исторический альманах*. 23. СПб., 1998. С. 347, 377—378.

⁶⁷ Там же. С. 358.

ездки, когда уже афиши с моим именем висели в Двинске и Либаве, я снова что-то разнервничался и не выехал из Петербурга вовсе. Сологуб до самого Двинска был уверен, что я еду в другом вагоне: он сообщил мне заранее о часе отхода поезда и назначил в нем свидание. Из Двинска я получил от него телеграмму-ультиматум: „Если не приедете, больше не знакомы“. И оттого, что это был „ультиматум“, я не поехал окончательно...».⁶⁸

Именно 1 окт. датирована телеграмма Северянина Сологубу, адресованная в Витебск. В этот же день, вероятно, по просьбе Сологуба, И. В. Игнатъев пытался убедить Северянина не срывать турне. Он отправил Сологубу телеграмму следующего содержания: «Уговаривали <с> Крючковым. Надежд мало. Игнатъев».⁶⁹

Возмущенная Чеботаревская писала в Петербург сестре Александре: «Дорогая Саня! Приехали <в> Витебск, городок очень милый — но к великому изумлению нашему Игорь не явился на вокзал, мы невероятно возмущены его поведением — устроитель не знает, что делать. Хамство этого субъекта («гения») не имеет названия. <...> Если увидишь эту тварь — обругай хорошенько».⁷⁰

Любопытный комментарий к этому сюжету нам дают дневниковые записи актрисы Лидии Дмитриевны Рындиной.⁷¹ Ее встреча с Северяниным состоялась вскоре после знакомства молодого поэта с Сологубами. Впоследствии Рындина вспоминала, что ее муж, С. А. Соколов (Сергей Кречетов),⁷² встретил у Сологубов «футуриста Игоря Северя-

⁶⁸ Северянин И. Сологуб в Эстляндии // Северянин И. Соч. Т. 5. С. 48.

⁶⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 298, л. 8. Крючков Дмитрий Александрович (1887—1938) — поэт, литературный критик.

⁷⁰ РО ИРЛИ, ф. 189, № 173, л. 30.

⁷¹ Рындина (псевд.; урожд. Брылкина) Лидия Дмитриевна (1883—1964) — актриса, писательница, автор мемуаров «Ушедшее» (Мосты (Мюнхен). 1961. № 8, перепеч.: Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993), жена С. А. Соколова (Сергея Кречетова). Приезжая в Петербург, бывала на вечерах у Сологуба и Чеботаревской, иногда останавливалась в их квартире. Видимо, по впечатлениям январских встреч с Л. Рындиной Северянин в феврале 1914 г. написал посвященное ей «Рондо» («Читать тебе себя в лимонном будуаре...»). Ей же посвящено стихотворение «Качалка грёзёрки» (1911) и сб. «Златолира. Поэзы. Книга вторая» (М.: Гриф, 1914). Сохранились письма Рындиной к Ан. Н. Чеботаревской за 1909—1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 252).

⁷² Соколов Сергей Алексеевич (псевд. Сергей Кречетов; 1878—1936) — поэт, критик, издатель. В его издательстве «Гриф» вышел также сборник Игоря Северянина «Златолира» (1914). Сергей Кречетов был одним из немногих критиков, признававших, что «в этом абсурдном юноше <...> таится все же искра подлинного дарования» (Утро России. 1912. 26 мая) и что «в Игоре Северянине, с его подлинным небом данным талантом, можно еще откуда-то принять его самовосхваление, не прибавляющее, впрочем, ровно ничего к его поэтической ценности» (Там же. 1914. 22 февр. № 44). Сохранились письма Соколова за 1904—1914 гг. к Ан. Н. Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 258).

нина» и так отозвался о нем: «Занятный тип! Он читал свои стихи. Федор Кузьмич считает его талантливым, мне тоже показалось, что у него есть дарование. Я предложил ему принести мне для просмотра все его стихи <...> Через несколько дней у нас был Игорь Северянин». ⁷³ Как известно, вскоре в издательстве С. А. Соколова «Гриф» вышел первый сборник Северянина «Громокипящий кубок».

Роман Рындиной с Северяниным в начале 1913 г. совпал с ее серьезной размолвкой с Сологубом и Чеботаревской. Судя по дневниковым записям Рындиной, можно предположить, что Северянин играл в этой ситуации не последнюю роль: «И Сологубы, желая его оттолкнуть от меня, не подозревают, что нельзя обойти меня, нельзя взять у меня то, что я не отдам. И вот эти мои две недели в Петерб<урге> я дарю Игорю, их я буду жить для него, это моя плата, моя дань его таланту, его мукам». ⁷⁴ 13 февр. 1913 г. Рындина писала в дневнике о том, что, приехав из Москвы, жила у Сологуба и Чеботаревской: «А потом их охлаждение, их недоверье и их глубокое убеждение в моей бездарности». ⁷⁵

Увлеченный романом с Рындиной, Северянин как бы «поддерживал» ее в своих оценках, характеристиках Сологуба и Чеботаревской. 31 окт. 1913 г. Северянин писал Рындиной: «О Сологубах ты, конечно, уже слышала. В свою очередь могу сказать, что инициатором нашей размолвки я себя отнюдь не считаю; не поехал по следующим причинам: 1) болезнь мамы, 2) неполучение аванса, 3) „бесписьменность“, 3[так!] угрозный тон телеграмм его и ее: они угрожали... прекращением знакомства! Что же! Я и прекратил знакомство с ними. Не жалею — слишком возмущен. Заискивать не рожден. И ведь не акмеист же какой-нибудь, наконец, я! Против него ничего не имею: он действовал под давлением. Ею прямо-таки возмущен. И давно уже. Короче: я доволен своему „освобождению“. Я ликую, Лида! Пусть они не забывают, эти Сологубы, что они „только Сологубы“... не более. Воображаю ее „самочувствие“. На письма ее не отвечаю. Лида, Лидия! Ты отмщена! И уже давно все шло к этому. За тебя мстить — сладостно. Но высшая месть — тебе весь сборник!» ⁷⁶

Конфликт Сологуба и Чеботаревской с Северяниным стал предметом обсуждения в литературных кругах. Так, 17 окт. 1913 г. Фидлер

---

⁷³ Из дневников Л. Д. Рындиной / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова // Лица. Биографический альманах. 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 245.

⁷⁴ Там же. С. 212.

⁷⁵ Там же. С. 211. См. также попытку Рындиной выяснить отношения в письме к Ан. Чеботаревской от 13 февр. 1913 г. (Там же. С. 235—236).

⁷⁶ Там же. С. 239.

сделал в своем дневнике такую запись: «Собирался заглянуть на четверть часа к Сологубу, а провел у него целых два часа. Он был очень рад нашей встрече; приветствовал меня поцелуем... С известным (вернее: скандально известным) футуристом Игорем Северяниным (настоящая фамилия — Лотарев) он разошелся. „Не люблю, когда при мне кладут ноги на стол!“. Похвала Сологуба (в предисловии к стихотворному сборнику Северянина), как и похвала Брюсова, настолько вскружили ему голову, что он счел себя гением и совсем перестал совершенствовать свое мастерство. Минувшей весной он принимал участие в лекционном турне Сологуба по южной России и Кавказу и выступал с чтением своих стихов; теперь, около месяца назад, он должен был совершить такое же турне по западной части России (откуда только что вернулся Сологуб); но в самый день отъезда неожиданно отказался от поездки, чем навлек на своего импресарио большие неприятности».⁷⁷

Тем не менее расхождение с Северяниным не привело к утрате интереса Сологуба к новым литературным течениям. Во время своей второй лекционной поездки по городам России, 7 окт. 1913 г., он написал несколько стихотворений, в которых упоминаются участники одной из акций футуристов — прогулки по Москве с разрисованными лицами: «Будетлянка другу расписала щеку...», «На щеке прекрасной будетлянки...», «Позолотила ноготки...», «Пусть будет все не так, как было...».⁷⁸ Возможно, именно об этих стихах писал Сологубу 5 нояб. 1913 г. Иванов-Разумник: «„Триолеты о футуристах“ жду с интересом, впрочем, это не так уж спешно: футуристский цикл пойдет в „Заветах“ только в феврале месяце».⁷⁹

Несомненно, конфликт с Сологубом Северянин усугубил своим участием в сборнике футуристов «Рыкающий Парнас». В издании, вышедшем в Петербурге в январе—феврале 1914 г., был опубликован манифест, провозгласивший объединение всех футуристов, «Идите к черту», который содержал грубый выпад против Сологуба: «Ф. Сологуб схватил шапку И. Северянина, чтобы прикрыть свой облысевший талантлик». Среди подписавших манифест был и Северянин. Как вспоминал Б. К. Лившиц, «ни одна из наших деклараций еще не вызывала в литературной среде такого возмущения, как этот плод нашего совме-

⁷⁷ Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 610.

⁷⁸ Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб., 1914. Т. 17. С. 219—222.

⁷⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 296, л. 33 об. Этот план не был осуществлен. В мартовском номере «Заветов» 1913 г. был опубликован цикл стихотворений Сологуба «Земля родная» (Раздел I. С. 1—8), а также статья Иванова-Разумника «„Земля родная“ (Стихи Ф. Сологуба)» (Раздел II. С. 53—56).

стного творчества. Каждое слово в нем как будто было рассчитано на то, чтобы кого-нибудь оскорбить <...> Больше всего вознегодовал Сологуб — на Северянина, которого он „вывел в люди“». ⁸⁰

Причина негодования Сологуба, вероятно, заключалась не только в ошеломляющей сентенции в его адрес. Среди прочих в сборнике «Рыкающий Парнас» было опубликовано стихотворение Северянина «Письмо О. С.»:

В году значительном, в котором,
В граненом споре с Красотой,
Своим промозглым приговором
Меня ославил Лев Толстой;
Толстой, запрятавший, как страус,
В себя под старость тонкий вкус,
Толстой, сказавший, что Ратгауз, —
Моль Надсона, — любимец муз;
В году, когда, омолоден трансом,
В безгрозье высил я гром,
Когда «возвратным декадансом»
Мои стихи, своим пером
Оржавелым их звон оскрипав,
Назвал критический кретин,
Свершающий полеты выпи;
В тот год, когда, на крик рутин,
Душой еще не ожесточен,
Я усмеялся и страдал
И примечательных пощечин
Обставшим рылам не давал;
В тот год, вернее — в день из года
И в час из дня, из часа в миг,
Со мной в союз вошла Свобода
В гирляндах, тягостней вериг!.. ⁸¹

Автограф этого стихотворения, с заглавием «Письмо Федору Сологубу» и датой «XII. 1912», сохранился в архиве Сологуба. ⁸² По-видимому, стихотворение был приложено к одному из писем Северянина,

---

⁸⁰ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. С. 458—460. Авторами манифеста были также: Д. Бурлюк, А. Крученых, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников. О сближении кубофутуристов с Северяниным, их совместных выступлениях см.: Там же. С. 451—461.

⁸¹ Рыкающий Парнас. СПб., 1914. С. 117. Стихотворение было опубликовано с эпиграфом («Чем занимаются!.. Чем занимаются!.. Это литература! Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки! Лев Толстой о „Хабанере II“ Игоря Северянина»), отражающим известный факт творческой биографии Северянина: попавший в прессу отзыв о нем Льва Толстого (см.: *Назисвин И.* В Ясной Поляне // Утро России. 1910. 27 янв.). Заглавие, по-видимому, опубликовано с опечаткой: «О» вместо «Ө».

⁸² См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 25.

адресованному Сологубу или Чеботаревской, как знак признательности за поддержку, понимание и помощь в обретении «Свободы».⁸³ Между тем в контексте сборника «Рыкающий Парнас» и стремления Северянина вырваться из-под опеки покровителей смысл его стихотворного послания менялся ровно на противоположный. Вполне очевидно, что Сологуб не мог не заметить эту метаморфозу.

Примирение Северянина с четой Сологубов состоялось летом 1914 г. в Тойле, ставшей для них любимым местом отдыха: там они провели и летние месяцы 1913 г., снимая дачу по соседству с Северяниным.⁸⁴ 2 июля 1914 г., после возвращения из путешествия с Сологубом по Европе, Чеботаревская писала сестре, Ольге Николаевне Черносвитовой: «15-го были уже в „Тойле“, где васильки и черника должны заменить нам розы и персики Ривьеры, — впрочем, я люблю „контрасты“. <...> Живут: неизбежные Тамамшевы <...>, Игорь Север<янин> (пришел с повинной к Федору Кузьмичу и часто бывает опять у нас)...».⁸⁵ 6 авг. 1914 г. Северянин сообщал Рындиной с мызы Ивановка: «Жду в субботу Федора Кузьмича с Анастасией Николаевной. Был в „Питербурхе“ в понедельник. Заходил к ним; они вернулись с дачи 22-го».⁸⁶

Множество стихов Сологуба лета 1913 и 1914 гг., написанных в Тойле, имеют помету: «У Северянина». Находясь на отдыхе, Сологуб, Чеботаревская и Северянин устраивали и совместные творческие мероприятия. В июле 1913 г. Сологуб писал К. А. Сюннербергу (Эрбергу): «Мы наслаждаемся северным летом, — хотя оно и „кариатура южных зим“, но все же не лишено очарований и радостей, ибо для хорошего бога все времена года хороши, а мы нешто не боги? Мы здесь с Игор<ем> Сев<еряниным> даже на одном вечере стихи читали в пользу пожарной команды в нашей деревне Тойле, и было это 23 июня. А с тех пор ничего достопримечательного не произошло.

---

⁸³ Ср. гл. «Поэзоконцерты» из автобиографической повести Пимена Карпова «Из глубины», где, в частности, представлена такая версия причины внимания Сологуба к Северянину: «Первым суровым критиком Игоря Северянина, равно как и Федора Сологуба, был Л. Н. Толстой. Сологуба носил Лев Николаевич, по передаче корреспондента „Русского слова“, за пошлые кражи из „Отче наш“, а Северянина за „Хабанеру II“ <...> Прочитав в газете этот толстовский отзыв о себе и о Северянине, Федор Сологуб, в отместку Льву Николаевичу, приглашает к себе на квартиру Северянина, со всеми его 69-ю брошюрами стихов, выбирает из них лучшие стихи, дает сборнику название „Громокипящий кубок“ (заимствованное у Тютчева), пишет восторженное предисловие к сборнику и отправляет его в Москву к знакомому издателю „Грифа“ — поэту Сергею Кречетову» (Карпов П. И. Пламень; Русский ковчег; Из глубины. М., 1991. С. 289).

⁸⁴ Северянин И. Сологуб в Эстляндии. С. 48—49.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 8, л. 52—52 об.

⁸⁶ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 107.

Я сижу и работаю. <...> Маки у нас начали распускаться, а море наше лучше южных морей; оно, как говорит Иг<орь> С<еверянин>, — „Сканда, Дульцинея вод“. Сканда — не от скандала, а от Скандинавии». ⁸⁷ Об этом вечере в одном из очерков о Сологубе вспоминал и Северянин. ⁸⁸

Чеботаревская планировала устроить летом 1913 г. «поззоконцерт» Сологуба и Северянина, о чем сообщала Мейерхольду: «Милый Всеволод Эмильевич, предъявитель этого письма, Як<ов> Льв<ович> Дынкин, устроитель лекции Ф<едора> К<узьмича> в Харькове, — очень симпатичный и умелый организатор: думает устроить в Дуббельне „поззоконцерт“ — вечер поэзии; Ф<едор> К<узьмич> и Игорь Сев<ерянин> будут читать стихи и сказочки (Ф<едора> К<узьмича>). <...> Я держусь взгляда, Вам, вероятно, известного, что надо *всюду и всегда* пропагандировать новое искусство, поэтому Ф<едор> К<узьмич> и Игорь <Северянин> согласились участвовать в „поззоконцерте“». ⁸⁹ Газеты писали о предполагаемых (но не состоявшихся) на Рижском взморье «оригинальных концертах» в постановке Мейерхольда: «Здесь г. Мейерхольд собирается также проявить свое искусство устройством оригинальных концертов. Мейерхольдом для этой цели уже приглашены: известный писатель Ф. Сологуб, проживающий на даче в Эстляндии, поэт-декадент и эгофутурист И. Северянин и некоторые артисты и артистки, которые выступят в качестве мелодекламаторов». ⁹⁰

Северянин писал по этому поводу Рындиной 13 июля 1913 г.: «На днях состоится концерт в Дуббельне, около Риги. Приглашен Чеботаревской читать. Она и Федор Кузмич очень мило устроились в Иеве, вблизи моря. Комфортабельная дача, целый штат прислуги. Был у них пока один раз: темнеют ночи, и „мои“ боятся оставаться ночами без меня», а 7 авг. сообщил ей об отмене концерта: «Что касается концерта в Дуббельне, администрация этого курорта что-то нашла против, и концерт, за недозволением, отменяет». ⁹¹

---

⁸⁷ РО ИРЛИ, ф. 474, № 261, л. 66. К участию в выступлении Сологуба и Северянина Чеботаревская хотела привлечь дочь Вячеслава Иванова Лидию, которая летом 1913 г. отдыхала в Силламягах вместе с Александрой Николаевной Чеботаревской. 2 июля Чеботаревская писала сестре: «Милая Саня! Забыла у тебя спросить вчера: если бы состоялась „поззоконцерт“ в Сил<ламягах> или Гунгербурге — не согласится ли Л. Иванова принять участие музыкой — или сыграть что-либо отдельно, или нечто вроде „введения“ preludes к стихам поэтов — Ф<едора> К<узьмича>, Игоря» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 173, л. 26).

⁸⁸ *Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 55.

⁸⁹ Цит. по: *Галатина Ю. Е.* Кабаре Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской. С. 232.

⁹⁰ Там же. С. 232—233.

⁹¹ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 101—102.

Письма 1914—1915 гг. затрагивают общественные и литературные события, связанные с первой мировой войной, в том числе и малоизвестный в биографии Северянина факт — его недолгую воинскую службу. В редакционной заметке в газете «День» от 22 сент. 1915 г. — «Игорь Северянин — солдат» говорилось: «Война мобилизует поэтов наравне с обыкновенными смертными. Уже больше года, как в действующей армии находятся поэты Н. Гумилев и С. Кречетов. Последний призыв ратников второго разряда мобилизовал и В. Маяковского <...>, и Игоря Северянина, по воле судеб превратившегося в вольноопределяющегося Лотарева». Далее автор заметки поправляет информацию «Биржевых ведомостей» о поступлении Северянина в школу прапорщиков, «тогда как он пошел простым солдатом и о поступлении в школу не было и речи». Затем повествуется о том, что поэт ходатайствует перед начальством о разрешении ему выступать на поэзовечерах. «Это очень пикантно, — продолжает автор, — но тоже совершенно неверно». Последнее уточнение автора «Дня» состояло в следующем: «В довершение недоумений, заметка идет из Москвы, как будто Северянин призывался там; в действительности же он, как коренной петроградец, призывался в Петрограде и здесь же находится в настоящее время. Нам передают, — сообщается далее, — что, может быть, в скором времени поэту придется предстать на вторичный медицинский осмотр, так как Северянин страдает сильнейшими сердечными припадками».⁹²

Писатель Л. Борисов (очевидно, ошибаясь в датах) вспоминал, как «весной 1916 года без малого две недели» служил в пехотном запасном полку, на станции Малый Петергоф, с рядовым Игорем Лотаревым — «известнейшим в то время поэтом Игорем Северяниным». Вскоре врачебная комиссия уволила его «по чистой», так как «имелась у него могучая протекция, рука — то, что в наше время именуют блатом».⁹³

По воспоминаниям Тэффи, Северянин, «будучи призванным, оказался к военному делу неподходящим, и по самой странной причине — он никак не мог отличить правой ноги от левой. Кончилось тем, что его отправили в лазарет».⁹⁴

Помимо ура-патриотических стихов и эмоционального письма к Чеботаревской в первые дни войны есть и такое суждение, которым Северянин дружески поделился с Рындиной. Сообщая о планах «дать ряд патриотических поэзоконцертов», он писал ей 13 сент. 1914 г.: «Ах, как это больно быть поэтом во время такой большой войны! Невольно чув-

⁹² День. 1915. 22 сент. № 261. С. 4.

⁹³ Борисов Л. За круглым столом прошлого: Воспоминания. Л., 1971. С. 103—108.

⁹⁴ Тэффи. Печальное вино. С. 456.

ствуешь себя лишним. А воевать глупо: я еще понимаю *предводительствовать*, быть Наполеоном! А идти „в ряды“ по своей воле — позор, да и никому это не нужно. Рисковать своей великой жизнью можно только вдохновенно, громоносно, блистательно! <...> Если я сделаюсь солдатом, я завтра же стану императором! Но это должно произойти сразу! Мать, жена, ребенок! Из-за вас только Европа не в моих руках! (я говорю про оружие, ибо Россия моя литературно)».⁹⁵

Обычный отъезд Северянина в Эстонию в январе 1918 г., как известно, превратил его почти в эмигранта и фактически оборвал все связи с Россией, с друзьями. Однако позднее, 2 февр. 1920 г., когда в Тарту был подписан мирный договор между Советской Россией и Эстонской Республикой, у Северянина появилась возможность вернуться в Россию, но он не решился. Но вместе с тем важно, что для него в 1920-е гг. Россия и Европа значили гораздо больше, чем то, что он мог иметь в Эстонии. Тем не менее поэт понемногу обживался в этой стране, печатался, дружил с эстонскими литераторами. Изредка «давал вечера» (или участвовал в коллективных) в городах Прибалтики. Связь с Россией прервалась. Не было известий и о Сологубе с Чеботаревской. К тому же Северянин не знал их нового адреса (а старый забыл: они неоднократно меняли местожительство). Возможность связаться с Сологубом и Чеботаревской появилась лишь через год: во время первой же поездки в Ригу Северянин встретился со знакомой по Петербургу Боженой Витвицкой,⁹⁶ которая и сообщила их новый адрес. Как видно из ее письма к Чеботаревской от 13 апр. 1921 г., Сологуб делал попытки выехать и в Латвию. Витвицкая упоминала о poslanном с курьером и лишь сейчас, спустя два месяца, полученном письме от Сологуба. «Как дело с приездом в наши края? — спрашивала она Анастасию Николаевну. — Я переговорила с предс<едателем> Рус<ского> Народн<ого> университета Вергуном. Можно устроить лекции Ф. К. в Риге и хлопотать о его и Вашем проезде (тоже лекции) у здешнего правительства. Но будет ли это иметь значение для пропуска из России? Напишите мне о положении дела... Здесь был Северянин, выступал с успехом.⁹⁷ Очень хочу видеть вас обоих. <...> Напи-

⁹⁵ Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 108—109.

⁹⁶ *Витвицкая Божена Иосифовна (урожд. Заборовская; псевд. Бинобль; ?—1923)* — актриса, педагог, театральный критик, сотрудница рижских и петербургских литературных и театральных периодических изданиях. В 1915—1920 гг. жила в Петербурге, в конце 1920 г. вернулась в Ригу. Витвицкая поддерживала отношения с семьей Северянина. См. некролог: *Нео-Сильвестр [Гроссен Г. И.]*. Б. И. Витвицкая (Бинобль) // Рижский курьер. 1923. 13 янв. № 606. С. 2 (благодарим за предоставленный текст некролога Ю. И. Абызова).

⁹⁷ См.: *Бинобль [Витвицкая Б.]*. 1) На поэзоконцерте Игоря Северянина // Рижский курьер. 1921. № 26; 2) К поэзоконцерту И. Северянина // Там же. № 66.

шите по почте заказным, что сделать — все исполню. Преданная вам обоим Божена Витвицкая».⁹⁸

Как известно, в 1918—1919 гг. Сологуб и Чеботаревская предпринимали всевозможные попытки выехать за границу для лечения и заработков. Ходатайство Сологуба в Совнарком в декабре 1919 г. долгое время оставалось без ответа, в начале 1921 г. разрешение на выезд было получено, но затем аннулировано. Новое разрешение было получено в сентябре 1921 г., Сологуба и Чеботаревскую ждали в Эстонии. А. Г. Орг писал Сологубу из Ревеля 12 сент. 1921 г.: «Тут для Вас и Анастасии Николаевны все приготовлено <...> Разрешение на въезд посылаю Вам сегодня же».⁹⁹ Однако покинуть Россию им не пришлось. Узнав о страшном событии в семье Сологуба — самоубийстве Чеботаревской, Витвицкая пишет ему 12 сент. 1921 г.: «Многоуважаемый Федор Кузьмич, я совершенно расстроена газетными известиями об Анастасии Николаевне. Надеюсь, что они неверны. Прошу Вас, Федор Кузьмич, написать мне несколько строк, которые буду ждать, волнуясь. Если б я могла быть чем-нибудь полезна Вам, — располагайте мной. Уважающая Вас и преданная Вам Божена Витвицкая. Рига. Редакция „Риж<ского> Курьера“...».¹⁰⁰

Позднее, опечаленный кончиной самого Сологуба, Северянин 7 дек. 1927 г. откликнулся некрологом, озаглавленным «Умер в декабре. (Памяти Ф. Сологуба)», где, в частности, писал: «...осенью 1921 г. эстонский поэт Генрик Виснапу вез мне из Петербурга письмо от Сологуба, но на границе письмо это конфисковали. — И что было в нем? Звал ли Федор Кузьмич меня в Россию, мечтал ли сам из нее выбраться — вечный мрак, и жуть в этом мраке. И уж это до последнего часа моего. А письмо его было ответом на мое, через того же Виснапу переданное, в котором я звал его к себе, предлагая хлопотать о визе. Я знал, как он любит меня: „Милому Игорю Васильевичу Северянину неизменно всем сердцем любящий его в прошлом, настоящем и будущем Федор Сологуб. 27 июня 1913 г.“ — гласит автограф на „Жемчужных светилах“».¹⁰¹

⁹⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 64, л. 1—2. На конверте от письма позднее Сологубом (?) сделана надпись: «старое письмо Божены Витвицкой» (так. — Т. М.).

⁹⁹ См.: Вячеслав Иванов. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 150.

¹⁰⁰ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 139, л. 1. Письмо адресовано на Васильевский остров, 10-я линия, д. 5, кв. 1.

¹⁰¹ Северянин И. Соч. Т. 5. С. 62. Первоначально опубликовано: Сегодня (Рига). 1927. 11 дек. № 280.

Посланное через Виснапу письмо не сохранилось. Стихотворные переводы Северянина из Виснапу, возможно, переданные вместе с письмом, стали последним свидетельством дружеских и творческих контактов Сологуба с Северяниным, отложившимся в его архиве.¹⁰²

В начале 1930-х гг. Северянин так рассказывал о Сологубе своему приятелю из Даугавпилса Арсению Формакову: «После Фофанова он был ближе всего моему поэтову сердцу. Два лета перед войной он жил тут у нас, в Тойле. Помните, я Вам показывал его дачу при самом входе в поселок со стороны станции? Жил он с Анастасией Николаевной — своею Малим, второю и последнею возлюбленною своею. Мечтал купить в Тойле домик и имение... В 1921 году, когда эстонский поэт Генрих Виснапу ездил в Петроград, я послал с ним письмо Сологубу — звал к себе, обещал содействие в хлопотах о визе. Сологуб написал мне ответ, но на границе, когда Виснапу возвращался, это письмо отобрали. Так я и не узнал, о чем мне писал Кузьмич. Может, звал к себе?...»¹⁰³

Помимо предисловия к первому сборнику Северянина осталось мало высказываний о нем Сологуба. В письме к А. А. Измайлову осенью 1915 г., отвечая на осуждение участия в альманахе «Стрелец» в том, что он «признал правду футуризма и пришел как будто бы к ним», — пояснял: «Какая это зеленая ерунда! Не я к ним иду, — они находят какое-то удовольствие в том, чтобы время от времени постучаться в мои двери. <...> Неумеренное ликование в среде этих жаждущих признания молодых людей по поводу того, что я дал кое-что в их сборник, показывает, как эти люди не твердо стоят на ногах и как они ценят наше одобрение. Этого одобрения я еще никогда никому не высказывал, хотя они иногда приходили ко мне и пытались узнать мое мнение. За исключением Игоря Северянина (да и какой же он футурист! Он сам с презрением и негодованием отверг этих господ), я считаю почти всех их людьми мало одаренными и путь их совершенно ложным».¹⁰⁴

---

¹⁰² Тексты переводов Северянина стихотворений эстонского поэта Хенрика Виснапу из его книг «Amoges» (1917; перевод: *Генрик Виснапу*. Amoges: Первая книга стихов / Перевод с эстонского Игоря-Северянина. М.: Накануне, 1922): «Одной женщине», «Сагре діет», «Вечно», «Меня убьет цветение это...»; «Дикие анютины глазки» (1920; перевод: *Генрик Виснапу*. Полевая фиалка / Перевод с эстонского и издание Игоря-Северянина. Нарва, 1939): «Дайте мне скорбным быть»; «Серебрянные бубенчики» (1920): «Рождественская ночь», «Беседа с Богом», переписанные рукой неизвестного лица, сохранились в архиве Сологуба среди автографов и машинописных копий стихотворений Северянина (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 56—64 об.). О встрече Виснапу с Сологубом в Петрограде в 1921 г. см.: *Visnapuu H. Punasel Venemaal // Odamees*. 1922. Nr. 3. Lk. 115.

¹⁰³ *Формаков А.* Встречи с Игорем Северяниным // *Звезда*. 1969. № 3. С. 181.

¹⁰⁴ Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год*. СПб., 1999. С. 266.

Северянин же мечтал написать «специальное исследование о его творчестве», а в декабре 1930 г. в Русском Научном институте в Белграде прочитал лекцию «Эстляндские триолеты Сологуба». Репродукция сомовского портрета Сологуба всегда висела в кабинете Северянина в Тойле.

Письма Северянина к Сологубу и Чеботаревской относятся к периоду их тесного общения, и поэтому часто носят характер записок: благодарности за приглашения, за присланные книги, билеты на спектакли и литературные вечера и даже за фрукты. Одна из таких благодарностей — за известное предисловие к первому сборнику «Громокипящий кубок» (1913) написана в духе молодого Северянина (см. письмо 2 Северянина к Сологубу). Ряд коротких писем Северянина не содержит достаточно «опознавательных» признаков, потому их не всегда удается точно датировать.

В архиве Сологуба и Чеботаревской хранится две подборки стихотворений Северянина: одна — автографы, другая — машинописные копии. Часть этих текстов, скорее всего, была послана в письмах или бандеролях (в том числе при посылках книг) и лишь позднее была отделена. При текстологическом и смысловом анализе, в процессе подготовки данных писем к публикации, иногда удавалось определить принадлежность стихотворений к соответствующим письмам (что отражалось в комментариях): изредка — по датам, по содержанию, а чаще по бумаге, формату, почерку, чернилам (например, письма: от 20 нояб. 1912 г., февраль 1913 г., 29 янв. 1915 г.).

Письма Северянина публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ в архиве Ф. Сологуба под шифрами: 7 писем и телеграмма к Сологубу — ф. 289, оп. 3, № 615; 35 писем к Ан. Н. Чеботаревской — ф. 289, оп. 5, № 237, письмо № 25 — ф. 289, оп. 7, № 31, л. 29. В публикацию включены также 3 письма Сологуба к Северянину из архива Северянина в РГАЛИ: ф. 1152, оп. 1, № 32 (впервые опубликованы: *Петросов Г. К.* Игорь Северянин и старшие символисты // *Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г. В. Краснова: Сб. науч. статей.* Коломна, 2001. С. 180).

Орфография и пунктуация писем приведены в соответствии с современными нормами, с сохранением некоторых авторских особенностей (например, написание «Кузмич» вместо «Кузьмич»).

За помощь в подготовке публикации выражаем глубокую благодарность Н. А. Богомолу, А. В. Крусанову, К. А. Кумпан.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН — ФЕДОРУ СОЛОГУБУ

1

20 ноября (3 декабря) 1912¹

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузмич!
Присланные Вами книги доставили мне ясную-ясную радость.²
Я светло смотрю в Ваши глаза, и мне так жизненно!

Душевно Ваш
Игорь.

20-го ноября 1912 г.

К рассказу Ф. Сологуба

Вселенна «Белая березка».
Как сердце сладостно болит
И вдруг излучивает броско:
«Она — Лилит! Она — Лилит!»

Игорь-Северянин

1912.XI.³

¹ Письмо без обратного адреса, адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

² Видимо, речь идет о более ранних изданиях произведений Сологуба, в том числе, о томах собрания сочинений, вышедших в 1910—1911 гг. в изд-ве «Шиповник». В библиотеке Северянина, остатки которой находятся в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда (Тарту), имеются пять более поздних книг Ф. Сологуба, три из которых имеют дарственные надписи (см. во вступ. статье к наст. публ.).

³ Четверостишие, опубликовано в сб. Северянина «Златолира» (М.: Гриф, 1914), написано по прочтении рассказа Ф. Сологуба «Белая березка» (Ф. Сологуб. Собр. соч. Т. 12. Рассказы. СПб.: изд-во «Шиповник», б. г. С. 11—17), а также — «Красногубая гостья», героиня которого Лидия называет себя Лилит: «Любовь моя смертельна», «Во мне душа Лилит, лунная, холодная душа первой эдемской девы, первой жены Адама» (Там же. С. 139). Имя Лилит в образе магически недостижимой женщины неоднократно встречается в произведениях М. Лохвицкой и Ф. Сологуба. Ср. также одно из определений Северяниным Балтийского моря: «Лилитного, блеклого, неуловимого...» («Балтийские кэнзели», Тойла, май 1914). Предположительно, в это же письмо было вложено еще одно стихотворение Северянина: «Поэза не для печати» (окт. 1912), с посвящением Сологубу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 31), опубликовано позднее в сборнике «Миррэлия: Новые поэзы» (Берлин; Москва, 1922).

2

6 (19) февраля 1913¹

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузмич!

Горячо, крепко и длительно целую я Вас за предисловие: оно, солнечное, вдохновляет меня впредь.² Работать буду честно и пламенно. Всегда.

Бессмертно Ваш
Игорь.

1913; II, 6.

На обороте открытки: Сердечный привет Анаст<асии> Николаевне>.

¹ Письмо без обратного адреса, адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

² О предисловии Ф. Сологуба к сборнику стихов Северянина «Громокипящий кубок» см. во вступ. статье к наст. публ.

3

Конец сентября 1913¹

Дорогой Федор Кузмич!

В котором часу и с какого вокзала едем сегодня? Будьте добры, известите. Посылаю те бумажки, и очень, очень благодарю Вас. Извиняюсь, что задержал. В воинск<ом> прис<утствии> был: надо подавать прошение, ответ будет недели через две.² Удобно ли будет ехать опять с листком? Не стесню ли Вас? Купили ли Вы мне билет до Витебска? Сколько я Вам должен? Если не купили, я куплю III-го класса.

Любящи Вас
И. Лотарев.

¹ Письмо в конверте, лишь с указанием адресата, на визитной карточке Игоря Северянина с адресом: С.-Петербург, Средняя Подъяческая ул., д. 5, кв. 8. Датируется по содержанию.

² В архиве Сологуба сохранились некоторые личные документы Северянина. Возможно, именно о них говорится в письме. Тексты документов см. во вступ. статье к наст. публ.

4

1 (14) октября 1913¹

Витебск. «Бристоль». Тетерникову.

Я очень сожалею невозможности дальнейшего нашего знакомства.
Игорь Северянин.²

¹ Телеграмма отправлена из Петербурга.

² О конфликте Северянина с Сологубом см. во вступ. статье к наст. публ.

5

29 января (11 февраля) 1915¹

Вот, дорогой Федор Кузмич, это стихотв<орение> не подойдет ли? А больше, право, пока нет ничего. Тем более — на воен<ную> тему. Из военных же — последнее, ибо новых не пишу, а остальные напечатаны.²

Крепко целую Вас, привет Анаст<асии> Никол<аевне>.

Всегда Ваш Игорь.

29 янв<аря> 1915 г.

¹ Письмо на визитной карточке: ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН. (Игорь Васильевич Лотарев). Прием исключительно по вторникам, от 2 до 5 [это объявление перечеркнуто]. Петроград, Ср. Подьяческая, д. 5, кв. 13. Адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4 (с пометой: Городское).

² По-видимому, Северянин послал в этом письме стихотворение «Забава безумных» (см. автограф с датой «1914. Осень»: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 18—19). Оно опубликовано в сб. «Victoria Regia», первое изд. которого вышло 14 (27) апр. 1915 г. (М.: Наши дни, 1915). Возможно, Сологуб просил стихи для составляемого Ан. Чеботаревской сб. «Война в русской поэзии» (Пг., 1915). Автор предисловия, Ф. Сологуб, предваряя произведение Жуковского, Пушкина, Тютчева, Некрасова, Мея, Вяч. Иванова, Гумилева, Ахматовой, Скалдина и других, писал: «Собранные вместе, стихи родных поэтов полезно перечестъ в наши грозные и великие дни, — полезно потому — что радостью, бодростью и надеждою веет от них» (с. 6). В изд. вошли стихотворения Северянина: «Поэза благословения» («Я не сочувствую войне...»), «Они сражаются в полях...» и «Мою страну зовут Россией...» (с. 109—111). Первое из них, с заглавием «Благословение», первоначально опубликовано в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1914. 12 окт. № 14428). Газетная вырезка с этим стихотворением сохранилась в архиве Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 87, л. 1). Недатированный автограф «Поэзы Благословения» см.: Там же, № 31, л. 34. Возможно, к письму был также приложен автограф стихотворения «Германия, не забывайся!» (см.: Там же, оп. 1, № 31, л. 17).

6

Февраль 1915¹

Дорогой Федор Кузмич! Немедленно посылаю другое и... последнее: после Москвы ничего пока нет. А если и найдется, им все равно не подошло бы: испугаются!..²

Крепко целую Вас.

Ваш И. Лотарев.

¹ Письмо на визитной карточке Игоря Северянина с адресом: Петроград, Средняя Подъяческая ул., д. 5, кв. 8. Предположительно датируется по содержанию.

² Возможно, речь идет о стихотворении «Письмо хорошей девушки», недатированный автограф которого сохранился в архиве Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 27). Упомянув о поездке в Москву, Северянин, скорее всего, имел в виду свой поэтический вечер, прошедший 31 янв. 1915 г. в Политехническом музее. В ответ на просьбу Сологуба Северянин посылает лирическое стихотворение, которого в действительности не испугалась цензура: оно было включено в программу «Вечера современного искусства Поэты — воинам в пользу Лазарета Деятелей Искусств», состоявшегося 28 марта 1915 г. в Петрограде, в зале Армии и Флота. В вечере участвовали: Сологуб, Блок, Ахматова, актрисы М. Ф. Андреева, Е. Н. Рощина-Инсарова, О. А. Глебова-Судейкина и др. «Письмо хорошей девушки», наряду со стихами Сологуба, опубликовано также в сб. «Невский альманах жертвам войны. Писатели и художники» (Пг., 1915). Можно также предположить, что Северянин выслал Сологубу стихотворение «Поэза о Бельгии», недатированный автограф которого, с редакторской пометой и вычеркнутым посвящением Вере Вертер, сохранился в архиве Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 33). С датой «1914. Октябрь» опубликовано в сб. Северянина «Victoria Regia» (М., 1915), а также в коллективном сб. «Книга короля Альберта» (М.: Идея, 1915), наряду со стихотворением Сологуба «Утешение Бельгии» («Есть в наивных предвещаньях...»).

7

30 мая (12 июня) 1917¹

30 мая 1917 г.

Гатчина.

Дорогой

Федор Кузмич!

Вашу просьбу исполнил с радостью. Хотел принять участие в дне «Займа Свободы» (в Мариинск<ом> театре),² звонил по телефону около 4 час<ов>, но Вас не было дома. Не откажите в любезности сообщить, где можно получить гонорар за стихи.³ Привет Анаст<асии> Никол<аевне>.

Ваш И. Лотарев.

¹ Письмо адресовано: Петроград, В. О., 9-я линия, д. 44, кв. 19. Адрес отправителя: Гатчина, Кирочная, 7, кв. 3. В 1900—1910-е гг. Северянин с матерью снимал дачу в Гатчине. Гатчине и ее окрестностям посвящено множество стихотворений поэта, а также поэма о первой любовной истории — «Злата» (1908), роман в стихах «Падучая стремнина» (1922). В Гатчине состоялось знакомство Северянина с К. М. Фофановым.

² «Заем свободы» был выпущен по постановлению Временного правительства от 26 марта 1917 г.: 5%-й долгосрочный (на 54 года) с погашением в течение 49 лет (начиная с 1922); срок подписки был установлен 6 апреля—1 июня (продлевался дважды: до 15 июля, затем до созыва Учредительного собрания). Сологуб как член президиума Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусств от литературной курии поддержал участие Союза в пропаганде «Займа свободы». Сологуб и Чеботаревская во-

шли в число членов организационного комитета по проведению дня пропаганды «Займа свободы». В этот день (25 мая 1917 г.) Союзом деятелей искусств были организованы шествия, открытые сцены, летучие концерты, а вечером в Марининском театре — концерт с участием членов Государственной думы (подробнее см.: Крусанов А. В. Русский авангард. 1907—1932 (Исторический обзор): В 3 т. М., 2003. Т. 2, кн. 1. С. 23—24). По предложению Сологуба Союзом театральных деятелей 25 мая 1917 г. была выпущена однодневная газета «Во имя свободы». Дню «Займа свободы» посвящена статья Чеботаревской «Как был устроен день займа в Петрограде» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, № 29). Материалы о «Займе свободы» сохранились в архиве Сологуба (см.: Там же, оп. 7, № 63).

³ Имеется в виду стихотворение «Все — как один» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 16), опублик. в газ. «Во имя свободы» (25 мая 1917 г.).

8

2 марта 1921 г.¹

Toila, 2. III. 1921 г.

Родной мой Федор Кузмич!

С дорогой Анастасией Николаевной и Вами я не виделся, — на днях этот срок минует! — 3 года.²

Из милой Эстии моей пошла первая почта в Россию весной, — в апреле, — 1920 г., но адреса Вашего нового я не знал, а старый за-был.³

Только недавно, — я дал в Риге 2 концерта, — узнал я, где Вы живете, от Б. Витвицкой.⁴

Я рад этому и вот посылаю Вам первую весточку «с утёсов Эсти». (Название одной из моих книг).⁵

Через две недели я уезжаю в большое турнэ по Латвии, Литве и Германии. Возможно, поеду и дальше, т. к. импрессарио зовет во Францию, Италию, Англию и даже в Америку. Но пока контракт «сделан» только до Берлина.⁶

Мы живем здесь уже 3 года, совершенно отрешенные от шума городов, вне политики, вне суматохи раздоров. Летами я провожу целые дни на реке, на море, в полях и лесах. Ловлю форелей, хожу за грибами и ягодами.

Зимами много пишу, изредка даю вечера в Ревеле, Юрьеве и Нарве.⁷

Эстийское изд<ательств>во «Odamees» выпустило 3 книги моих поэм.⁸

Теперь печатается несколько в Германии.⁹

Мама,¹⁰ Мария Васил<ьевна> и все другие¹¹ здоровы, сыты, слава Богу. Живем скромно, тихо, без затей.

Я хотел бы знать о Вас, о А<настасии> Н<иколаевне>. Отчего бы Вам не приехать весной в Тоила, чтобы уйти в природу, которую Вы так любите?

Хотя бы только на лето? А осенью, может быть, поедем вместе в Россию. Я слышал от Витвицкой, что Вы все болеете, поэтому для поправки здоровья хорошо было бы провести лето у моря, лучше питаться, больше гулять.

Думаю, Вам дадут легко разрешение на выезд и въезд, т. к. Вы — мирный поэт и никому зла не желаете.

Надеюсь, по возвращении из Западной Европы, найти от Вас ответ.

А пока крепко Вас обнимаю и целую, а также и Анаст<асию> Никол<аевну>, в которой всегда чту милую сестру.

Любящий Вас сердечно
Игорь.

Эстония. Eesti.

Toila. Postcontor.

Igor-Severjäänin'ile.

¹ Письмо адресовано: Россия. Петроград. Васильевский остров, 10-я линия, д. 5, кв. 1.

² Северянин переехал из Петрограда в Тойлу 28 янв. 1918 г. В феврале, до провозглашения независимости Эстонии (24 февр. 1918 г.), Северянин побывал в Ярославле и Москве. В московском Политехническом музее, после избрания Северянина «королем поэтов» (14/27 февр.), 26 февр. (9 марта) состоялся его поэзовечер. В конце февр.—начале марта 1918 г., перед окончательным отъездом в Эстонию, Северянину довелось познакомиться с Сологубом и Чеботаревской. Об этом свидетельствует дарственная надпись на сб. «Альманах „Поэзоконцерт“» (М., 1918): «Анастасии Николаевне — с искренней всегда дружбой — Игорь. 1918. Петерб<ург>». На обложке уже напечатано: «Король поэтов Игорь Северянин»: сб. вышел вскоре после 26 февр. (9 марта) 1918 г.

³ Сологуб и Чеботаревская в период их наиболее тесного общения с Северяниным, будучи в Петербурге (Петрограде), жили по адресу: Разъезжая ул., д. 31, кв. 4 (с 1910 по осень 1916). Лишь в конце 1916 г. они переехали на 9-ю линию Васильевского острова (д. 44, кв. 19), где их и оставил Северянин в начале 1918 г., уезжая в Эстонию.

⁴ См. об этом во вступ. статье к наст. публ.

⁵ 20 нояб. 1920 г. Северянин написал в Тойле стихотворение «С утесов Эстии: Риторнель», позднее опубликовал его в таллинской русскоязычной газете «Свободное слово» (1921. 30 июня. № 60). Книга с таким названием издана не была.

⁶ 5 июня 1921 г. Северянин сообщал своей стокгольмской корреспондентке Августе Барановой: «...с 11-го марта по 29 апр. Мы с М<арией> В<асильевной> уезжали из Эстии — сначала были в Риге, а из Латвии проехали в Литву, где дали вечера в Ковно и Швяляве. В Ковно прожили 27 дней. Всего же за это время дали 3 вечера (1 в Риге)» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой 1916—1938 / Сост., подгот. текста, введение и коммент. Б. Янгфельдта и Р. Крууса. Стокгольм, 1988. С. 26). Предполагавшаяся поездка в Германию состоялась лишь в окт. 1922 г. Во Франции поэт побывал в февр. 1931 г. В других перечисленных странах Северянин не был. В цитируемом письме упоминается гражданская жена Игоря Северянина с весны 1915 г. — Мария Васильевна Домбровская (урожд. Волнянская; род. 1895), которую поэт со свойственной его ранне-

му творчеству тяготению к экзотике, вычурности называет в стихах Балькис Савской, а в посвящении к одному из изд. сб. «Громокипящий кубок» (М., 1915) — «моя тринадцатая». Под этим же именем Мария Васильевна участвовала в качестве декламатора в поэзоконцертах Северянина.

⁷ Выступления Северянина (в том числе с участием местных литераторов) в перечисленных городах в период, предшествующий письму: в Ревеле (Таллин) — 22 марта, 29 мая, 13 окт. 1919 г., 25 сент. 1920 г.; в Юрьеве (Тарту) — 25 мая 1919 г. и 6 февр. 1920 г.; в Нарве — 23 авг., а также в Тойла — 3 авг. 1919 г. Более подробно см.: *Фигурнова О.* Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии // *De visu.* 1993. № 2. С. 44—49; *Исаков С. Г.* Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии: Исправления и дополнения // Там же. № 9. С. 64—68.

⁸ В эстонском изд-ве «Одамезс» (Юрьев) изданы сб. стихотворений Северянина: «Pühajõgi: Эстляндские поэзы» (1919), «Crème des Violettes: Избранные поэзы» (1919), «Вервэна. Собрание поэз. Т. XI: Поэзы 1918—1919 гг.» (1920).

⁹ В Берлине в начале 1920-х гг. издано несколько книг Северянина: в изд-ве «Москва»: «Менестрель» (1921) и «Миррэлия: Новые поэзы» (1922), в изд-ве «Отто Кирхнер и К°»: «Feя Eiole: Поэзы 1920 — 1921 гг.» (1922) и «Падучая стремнина: Роман в 2 частях» (1922) и др.

¹⁰ Мать Северянина — *Лотарева (урожд. Шеницина) Наталия Степановна* (1846—1921), скончалась в Тойла в нояб. 1921 г. Сохранилась ее телеграмма от 17 февр. <1915 г.> к Сологубу: «Душевно поздравляю. Желая благополучия. Лучшие пожелания вам и Анастасии Николаевне. Лотарева» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 422). 17 февр. (по новому стилю — 1 марта) — день рождения Сологуба.

¹¹ Осенью 1918 г. в Тойлу приехала и бывшая гражданская жена Северянина Елена Яковлевна Золотарева с их дочерью Валерией (1913—1978). В 1921 г. М. В. Домбровская вернулась в Россию, а в дек. 1921 г. Северянин сочетался законным браком с дочерью хозяина дома в Тойла Фелиссой Михайловной Круут (1902—1957).

ФЕДОР СОЛОГУБ — ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

1

10 (23) июня 1917¹

Дорогой Игорь Васильевич,

Ваш гонорар я передал казначею Союза Деятелей Искусства, и Вы можете получить его в любой неспраздничный день от 10 до 12 утра в нижней канцелярии Академии Художеств. Мы же сегодня уезжаем в Кострому.²

Ваш Федор Сологуб.

¹ Датируется по почтовым штемпелям: «10.6.17» и «11.6.17». Письмо на почтовой карточке с адресом: «Игорю Васильевичу Лотареву, Кирочная 7, кв. 3. Гатчина».

² С 1 апр. 1916 г. по 1 окт. 1919 г. Сологуб и Чеботаревская арендовали дачу в усадьбе Княжнино, около Костромы.

9 (22) декабря 1917¹

Дорогой Игорь Васильевич,
16 декабря, в субботу, устраивается в Конференц-зале Академии Художеств Вечер Поэтов. Очень прошу Вас приехать и прочесть Ваши стихи, чем очень обяжете.²

Ваш Федор Сологуб.

¹ Письмо на именной бумаге Ф. Сологуба: «Федор Кузьмич Тетерников (Федор Сологуб). Петроград. В. О. 9-я линия 44, кв. 19».

² 16 дек. 1917 г. в Академии художеств (Университетская наб., 17) состоялась «Вечер поэтов», организованный Союзом деятелей искусств. Целью вечера был сбор средств для организационных расходов по устройству общедоступных бесед по искусству; наряду с Северяниным выступали А. Ахматова, А. Блок, Ю. Верховский, М. Зенкевич, Р. Ивнев, А. Кондратьев, О. Мандельштам, В. Пруссак, Ф. Сологуб и др. По отзыву П. Губера (Вечерний звон. 1917. 18 дек.), «наиболее громкие овации достались Игорю Северянину и Анне Ахматовой» (подробнее см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1, ч. 1. С. 79).

25 декабря 1917 (7 января 1918)¹

Дорогой Игорь Васильевич,
Опять к Вам усерднейшая просьба: Союз Деятелей Искусства устраивает 3 января вечеринку в Конференц-зале, с участием поэтов и артистов. Очень обрадуем вас, если приедете и прочтете несколько Ваших стихотворений.²

С приветом

сердечно Ваш

Федор Сологуб.

¹ Письмо на именной бумаге Ф. Сологуба. Конверт со штемпелем: 27.12.17. «Игорю Васильевичу Лотареву (Северянину). Средняя Подьяческая, 5. Здесь. От Ф. К. Сологуба. В. О. 9-я линия 44, кв. 19».

² В письме от 1 (14) янв. 1918 г. к редактору «Биржевых новостей» А. А. Измайлову Сологуб просит поместить в газете заметку о переносе праздничного вечера в конференц-зале Академии художеств, устраиваемого Союзом деятелей искусства, с 3 на 5 янв. (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публикация М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 276). Игорь Северянин был в числе приглашенных (см.: Наши ведомости. 1918. № 4. С. 8).

1

6 (19) октября 1912¹

1912. X, 6.

Светлая Анастасия Н.! (? — простите).

Олазоренный Вашим изящным письмом, в котором столько сердечной приветливости, спешу выразить Вам свою искреннюю благодарность и удовольствие получить компетентную рецензию на мои поэзы, единственный экземпляр которых, имеющийся у глубокоуважаемого Федора Кузмича, я предлагаю в полное Ваше (т. е. пера и карандаша) распоряжение на удобное для Вас время. Я буду рад, по выходе моих книг вторым изданием, тотчас же прислать их Вам.²

Душевно Вас уважающий
Игорь-Северянин.

Лотарев, Игорь Васильевич.

¹ Письмо адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

² Очевидно, Северянин благодарит Ан. Чеботаревскую за выраженное в неизвестном нам письме намерение изложить свои впечатления о его стихах. Ко времени знакомства с Сологубом и Чеботаревской Северянин издал ряд брошюр своих «поэз», в том числе: «Интуитивные краски» (СПб., 1909), «Колье принцессы» (СПб., 1910), «Электрические стихи» (СПб., 1911), «Пролог „Эго-футуризм“. Поэза-грандиоз. Апофеозная тетрадь 3-го тома» (СПб., 1911), «Качалка грёзерки... Сады футуриста. Кн. 1» (СПб., 1912), «Очам твоей души... Сады футуриста. Кн. 2» (СПб., 1912).

2

17 (30) ноября 1912¹

17-го ноября.

Светлая Анастасия Николаевна!

Принимая — близко к сердцу Ваше справедливое возмущение, вызванное интригами г. г. «академиков» и «вроде этого», я завтра же попрошу к себе Игнатъева и предложу ему «принять во внимание» их «деятельность»: надеюсь, в ближайшем же номере «Петербургского» Глашатая» появится необходимое «разъяснение».²

Пользуясь случаем, скажу Вам, что я, после выхода в свет «Орлов над пропастью»,³ вышел из состава Дирекции Издательства «Петер-

б<ургский> Глашатай» и больше никакого участия в изданиях Игнатъева не принимаю. Мой уход вызван сотрудничеством «элементов», сочувствовать которым у меня нет оснований, да и, кроме того, мне не улыбается — играть роль вождя смешанной армии... В одиночестве — спокойнее, можно серьезнее работать и отвечать только за себя.

Только вчера я встал с постели, к которой — на десять дней — приковала меня летучая оспа, осложнение инфлуэнцы. Я чувствую себя чрезвычайно слабым, у меня головокружения, и раньше, чем через неделю — две, я не выйду из своей комнаты.

Мне сердечно больно, что я не могу — на этот раз — воспользоваться Вашим милым приглашением: мне так всегда радостно у Вас бывать. Я передам Ваше приглашение Игнатъеву, с которым я остаюсь в лучших отношениях.⁴

Во время болезни мне читали (2 раза) «Мелкий Бес» и стихи (т<ом> 1) Федора Кузмича,⁵ и я считал это для себя большим утешением.

Примите и передайте ему мои поздравления — с ярким успехом «Заложников жизни»,⁶ которых я, к искреннему сожалению, еще не видел из-за противной болезни.

Шлю Вам свой привет.

Душевно Ваш
И. Лотарев.

P. S.:

Сейчас мне подали Вашу открытку: увы, и 23-го, пожалуй, не попадут к Вам!

А мне очень хочется.

¹ Датируется по содержанию. Конверт без адреса: Е<е> В<ысокородию> Анастасии Николаевне Чеботаревской.

² Об И. В. Игнатъеве см.: примеч. 13 во вступ. статье к наст. публ. В письме речь идет о конфликте между членами Академии Эго-поэзии, завершившемся их расхождением. 23 окт. 1912 г. И. Северянин выступил с открытым письмом: «Константин Олимпов в печати оклеветал меня. Я прощаю его: мое творчество доказательно. Теперь, когда для меня миновала надобность в доктрине: „я в будущем“, и, находя миссию моего Эго-футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом, и этому солнечно рад. Моя интуитивная школа „Вселенский Эго-футуризм“ — путь к самоутверждению. В этом смысле она бессмертна. Но моего Эго-футуризма больше нет: я себя утвердил. Смелые и сильные! от вас зависит стать Эго-футуристами!».

³ Издание «Орлы над пропастью. Предзимний альманах» (Изд. «Петербургский Глашатай», 1912) вызвало в критике преимущественно негативную реакцию. См., например, язвительную рецензию Гумилева на этот выпуск альманаха и его сонет-акростих «Брюсов и Сологуб», где среди прочего такие строки: «Орлы над бездной, где же полынья...» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридендер (при участии Р. Д. Тименчика); Вступ. статья Г. М. Фридендера; Подгот. текста и коммент. Р. Д. Тименчика. М., 1990. С. 163—164, 324). В стихотворении «Эпилог», датированном

24 окт. 1912 г., Северянин так заявляет о расхождении с недавними соратниками: «Я одинокий в своей задаче», затем — «Я выполнил свою задачу», «Схожу насмешливо с престола» и «Я изнемог от лстивой свиты» (*Северянин И.* Соч. Т. 1. С. 179—180).

⁴О благожелательном отношении Чеботаревской к Игнатьеву свидетельствуют его письма к ней 1913 г. В них — благодарности за сердечность, за приглашение к участию в одном из вечеров; сообщение о том, что набирается статья Чеботаревской «Зеленый бум» (Небокопы. СПб., 1913. С. 6—8) (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 113). В воспоминаниях 1924 г. Северянин писал, что в тяжелый жизненный период Игнатьева (закончившийся самоубийством) «чета Сологубов, симпатизировавшая юноше», беспокоилась о его душевном состоянии: «Анастасия Николаевна не раз обращала на это мое внимание» (*Северянин И.* Газета ребенка (И. В. Игнатьев и его «Петербургский глашатай») // *Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 78—81).

⁵Имеются в виду тома из собрания сочинений Сологуба, вышедшие в 1913 г. в петербургском изд-ве «Сирин»: седьмое изд. романа «Мелкий бес» (Т. 6) и «Лазурные горы: Стихи» (Т. 1).

⁶Премьера пьесы Сологуба «Заложники жизни» в постановке В. Э. Мейерхольда в Александринском театре состоялась 6 нояб. 1912 г.

3

20 ноября (3 декабря) 1912¹

Светлая

Анастасия Николаевна!

Я видел Игнатьева, и он, конечно, с удовольствием все сделает, если только газета продолжится.²

Еще раз от всей души благодарю Вас за дивные фрукты, — я так тронут Вашим и Федора Кузмича добрым расположением.³

Душевно Ваш
И. Лотарев.

20-го ноября 1912 г.

¹ Письмо адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

² И. В. Игнатьев писал Ан. Чеботаревской 26 янв. 1913 г.: «Долгом считаю сказать, что конец „Петербургского глашатая“ как газеты еще преждевременен. С уходом Игоря-Северянина, близкие к безшкольной „школе“ — Это-футуризм сгруппировались около „Петербургского глашатая“, выходящего с января т<екущего> г<ода> периодическими книжками. При настоящем положении вещей возобновление м<оей> газеты считаю скорым фактом» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 113, л. 1). Надежды Игнатьева на возобновление «Петербургского глашатая» не оправдались. Осенью 1913 г. Чеботаревская, возможно, имела связанные с этой газетой издательские планы: в письме от 23 окт. Игнатьев недоумевает, почему ей «разонравилась мысль об издании газеты», в то время как был собран материал на четыре номера. «Желаете ли Вы, — спрашивает он, — издавать газету, ибо мне надобно сдавать срочный специально газетный материал, за который, в случае Вашего отказа, придется расплачиваться мне?» (Там же, л. 13). Сведений об издании Чеботаревской какой-либо газеты обнаружить не удалось.

³ Северянин был в это время болен. См. его письмо с той же датой к Н. С. Гумилеву: «Дорогой Николай Степанович, только третьего дня я встал с постели, перенеся в ней инфлуэнцу. Недели две я буду безвыходно дома» (Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. С. 324).

4

Ноябрь—декабрь 1912¹

Дорогие

Анастасия Николаевна

и

Федор Кузмич!

Ваша любезность, Ваше внимание глубоко тронули меня, и я сейчас не могу подыскать подходящих выражений, чтобы выразить свою признательность, свою горячую благодарность. Я прошу Вас верить моей любви к Вам.

Уважающий Вас
Игорь.

¹ Датируется приблизительно по содержанию.

5

29 декабря 1912 (11 января 1913)¹

Душевноуважаемая

Анастасия Николаевна!

Вы доставили мне искреннее удовольствие своим приглашением, и я, очень Вас за него благодаря, непременно им воспользуюсь.²

Эти дни мне нездоровилось, и я провел их дома,³ набросав несколько новых строф.⁴ Шлю Вам и Федору Кузмичу свой сердечный привет.

Игорь.

1912. XII, 29.

¹ Письмо адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

² Очевидно, речь идет о приглашении Северянина на празднование встречи Нового 1913 г. Ср. в письме к В. Я. Брюсову 1 янв. 1913 г.: «Новогодье я встречал у милого Федора Кузмича, где было всего семь человек — интересных; его зовы к себе как магниты» (Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 91).

³ В письме без даты к Т. Л. Щепкиной-Куперник, которое можно датировать по содержанию концом дек. 1912 г., Северянин писал: «Я сердечно грущу, что не мог восполь-

зоваться Вашим любезным разрешением посетить Вас 23-го декабря: я так поздно вернулся домой от Федора Кузмича и так на другой день мне нездоровилось, — началась инфлуэнца, которая и продержала меня все праздники дома» (РО ИРЛИ, № 4815).

⁴Среди автографов стихотворений Северянина, сохранившихся в архиве Сологуба, два — датированы дек. 1912 г.: «Письмо Федору Сологубу» и «Поэма моего отрочества» — с посвящением Ан. Н. Чеботаревской и Ф. Сологубу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 25, 38). Можно предположить, что эти стихотворения были посланы вместе с данным письмом.

6

7 (20) января 1913

Я так опечален, дорогая Анастасия Николаевна, узнав о Вашей болезни. Если Вы разрешите, я навещу Вас завтра, от часа до двух. От всего сердца желаю Вам выздоровления скорейшего.

Душевно Ваш
И. Лотарев.

1913. 7.Л.

7

14 (27) января 1913

913, I, 14.

О! я всей душой ценю Ваше доброе расположение, дорогая Анастасия Николаевна, и очень-очень благодарен Вам за Ваше письмо, меня радостно взволновавшее! Я принадлежу к разряду людей (малочисленный разряд, правда...), которые никогда не сдаются, но, когда они ошибаются, сознаются. Свои идеалы я упорно и постоянно отстаиваю, как это и видно из творчества моего, но спорить — в разговоре — я и не люблю, и не умею, да и бесцельным нахожу. В таких случаях у меня выработалась своеобразная «поза» — все выслушивать, достойное продумывать, вздорное иронически игнорировать — не замечать. Я уважаю мнение каждого, так как все правы по-своему; некоторые мнения мне близки, некоторые — нет, но всякое мнение — не правда ли? — имеет основание быть выслушанным. Итак, дорогая Анастасия Николаевна, я всегда останусь самим собою, что, впрочем, я уж и высказал у Вас под Новый Год, во время гаданья, на записочке, — помните? Знаю, путь мой — трудный путь, но это-то и прекрасно. Чем труднее — тем лучше. Больше сил появляется. А искушения... искушений бояться не надо: искушения смертны, мимолетны, забвенны... Влечет

только Вечное — Красота! Красота!.. Это — Бог и Демон! И только она — сила. А если и Демон не искушение, а половина Красоты (но обратная или лицевая сторона ее?..) — опасны ли какие-то иные искушения, ничтожные, хотя, может быть, на миг и привлекательные? И чем больше таких искушений, тем лучше: надо их испытать и отвергнуть, — надо быть сильнее их. А испытать их следует: только искушенный — победитель. Конечно, если он — титан!

Т. е. — всей душой Вам признательный и уважающий Вас глубоко
Игорь-Северянин.

Приписка:

За заметку Д. Философова целую Вашу ручку.¹

Д. Бурлюк вчера прислал приглашение в Москву: читать и... «спорить». (!)²

Сергей Алексеевич³ сдал книгу в набор (вчера получил от него большое письмо). Лидия Дмитриевна⁴ на днях уже вернулась, поделилась со мной впечатлениями «очевидцев» моего «эстетического» выступления в Москве.⁵

Передайте, пожалуйста, мой искренний привет Федору Кузмичу.

¹ Возможно, речь идет об одной из статей Д. В. Философова «Казенно-театральное» о репертуарной политике Театрально-литературного комитета, где шла речь и о скандале, сопровождавшем постановку пьесы Ф. Сологуба «Заложники жизни» (Речь. 1912. 14 сент. № 252; 20 сент. № 258). Подробнее см.: *Галанина Ю. Е.* Вокруг «Заложников жизни». С. 157—175.

² В своих воспоминаниях о Северяnine Д. Д. Бурлюк писал, что до 1913 г. им не приходилось встречаться. Личное знакомство состоялось в Крыму, куда Бурлюк был приглашен телеграммой Маяковского для участия в поэтическом турне (*Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 67—68). Возможно, приглашение Бурлюка «спорить» связано с выходом сб. «Пошечина общественному вкусу. Стихи, проза, статьи» (М.: изд-во Г. Л. Кузмина, б. г.) с предисловием-манифестом, подписанным Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым. О сближении Северянина с кубофутуристами и участии в совместных выступлениях, в том числе 2 нояб. 1913 г. в Петербургском женском институте и 16 нояб. 1913 г. на Высших женских курсах, где состоялось своеобразное поэтическое состязание Северянина с Маяковским, см.: *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. С. 451—460.

³ См. примеч. 72 во вступ. статье к наст. публ.

⁴ Лидия Дмитриевна Рындина. См. о ней: примеч. 71 во вступ. статье к наст. публ.

⁵ Речь идет о выступлении Северянина 20 дек. 1912 г. в московском литературно-художественном «Обществе свободной эстетики» (основано в 1907 г.), по приглашению одного из руководителей — В. Я. Брюсова. Выступление вызвало немало разноречивых, по преимуществу иронических отзывов — как в периодической печати, так и в мемуарах, что свидетельствует о несомненном интересе к первому публичному появлению молодого поэта. Сам Северянин рассказывал об этом важном для него событии в мемуарном очерке «Встречи с Брюсовым» (1927): «Мой дебют в „Эстетике“ при лит<ературно> худ<ожественном> кружке <...> собрал много избранной публики, среди которой вспоминаю художников Гончарову, Ларионову, проф. Венгерова и др. Я прочел около

30 стихотворений и был хорошо принят. После меня выступил Брюсов, прочитав свои стихи, мне посвященные» (*Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 32). Присутствовавший на вечере юный Пастернак в письме к другу 23 дек. 1912 г. рассказывал, что в прозвучавших стихах немало «двусмысленности», «вычурности, — на уровне первобытных наблюдений», но вместе с тем — «схвачена печаль разнообразия», «открытое море лирики. Пришлось забыть об „Эстетике“, ее серой обивке, ее мертвенности» (*Борис Пастернак.* Письма к Константину Локсу / Публ. Е. Б. и Е. В. Пастернаков // *Минувшее: Исторический альманах.* 13. М.; СПб., 1993. С. 174).

8

23 января (5 февраля) 1913

Дорогая Анастасия Николаевна!

Я думаю, что Ф<едор> К<узъмич> простудился, когда мы ездили,¹ — мне это очень и очень больно, и я непременно зайду сегодня или завтра его навестить (от 5-ти час<ов>). Что касается посвящения, я очень жалею, что не могу поместить «Поэмы отрочества» в первой же книжке, но, с Вашего разрешения, сделаю это — и с каким удовольствием — во второй.² Кроме того, я, конечно, напишу и еще для Вас, — это мне радостно сделать!

Вчера был у Маркова,³ — «дело» приняло иной оборот, мы не поедem к Будбергу,⁴ Марков будет один хлопотать. Неправда ли, это, может быть, и лучше? Еще раз сердечно благодарю за книги и за такие милые и хорошие надписи!⁵ Теперь читаю «Заложники жизни», — перед театром.⁶

Желаю дорогому Федору Кузмичу скорее поправиться; я его очень люблю. Сегодня или завтра буду сам. Целую Вашу ручку.

Душевно Ваш

Игорь.

23. I. 1913 г.

¹ О тяжелой болезни Сологуба писала 26 янв. (8 февр.) 1913 г. Ан. Н. Чеботаревская А. А. Измайлову (см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым. С. 245).

² В архиве Сологуба находится автограф «Поэмы моего отрочества», датированный дек. 1912 г., с посвящением Ан. Н. Чеботаревской и Ф. Сологубу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 38—41). С заглавием «Поза детства моего и отрочества» и без посвящения поэма впервые опубликована в сборнике «Victoria Regia» (М.: Наши дни, 1915). В одной из глав, с неприязнью вспоминая о пяти годах, прожитых в Череповце, Северянин называет его «ничтожный город на Шексне» и уподобляет многим провинциальным городам, где «Что ни учитель — Передонов, / Что ни судец — Хлестаков...».

³ В биографических сведениях, посланных С. А. Венгеру осенью 1912 г., среди родственников по отцу матери назван писатель Евгений Львович Марков (1835—1903), особенно известный своими «Очерками Крыма» (1867) (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3201).

Его сын, Николай Евгеньевич (1866—1945), в 1910-е гг. — один из лидеров «Союза русского народа», а также фракции правых в Государственной думе 3-го и 4-го созывов. Возможно, Северянин обращался к нему в связи с решением проблем цензурных разрешений его предстоящих публичных выступлений с Сологубом.

⁴Вероятно, речь идет об Александре Андреевиче Будберге (1854—1914) — члене Гос. совета, главноуправляющем Канцелярией его императорского величества по приятию прошений (1899—1913).

⁵О каких книгах идет речь, установить не удалось.

⁶Ближайший к данному письму спектакль «Заложники жизни» в Александринском театре состоялся 26 янв. 1913 г.

9

7 (20) февраля 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

Шлю Вам свой светлый привет и посылаю «В Миррэлии».² Эти дни сижу дома: простудил нёбо и дёсны, — ощущение не из приятных. Однако, завтра думаю уже рискнуть, — надо съездить к Маркову. Пользуясь свободным временем, учу стихи. В понедельник получил из «Заветов» аванс (9 р.),³ и это мне доставило удовольствие, хотя, говоря совершенно откровенно, это не имеет никакого отношения к моим Заданиям. Если бы я мог никогда не брать денег за вдохновение! Я рад, что необходимость в этом еще далека. Вчера написал новую «поэзу предвесенних трепетов».⁴

Целую Ваши ручки.

Сердечно Ваш

Игорь.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В архиве Сологуба находится автограф «В Миррэлии: Сексты», с перечеркнутой подписью: «1912. Июль. Ст. Веймарн, мыза „Пустомержа“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 14—14 об.). Вошло в сб. «Златолира» (М.: Гриф, 1914) с подписью: «Веймарн». Веймарн — железнодорожная станция на линии Петербург—Нарва. Многие стихотворения Северянина написаны в этой дачной местности.

³ В февральском номере журнала «Заветы» за 1913 г. опубликованы стихотворения Северянина «Кузнец» («Спеши к наковальне, кузнец...») и «В одиночестве» («Жутко и страшно мое одиночество...»). Ср. в воспоминаниях Северянина: «Сологуб едет сегодня на два дня в Петербург, я должен передать ему стихи в „Заветы“» (Северянин И. Сологуб в Эстляндии. С. 50).

⁴ «Поэза предвесенних трепетов» (1913) с посвящением О. С. (О. А. Глебовой-Судейкиной) первоначально опубликована в юбилейном, 4-м, «Альманахе Гриф. 1903—1913» (М., 1914. С. 160), а затем вошла в сб. «Златолира» (М., 1914). О. С. — Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (1885—1945), актриса, танцовщица, жена художника С. Ю. Судейкина. Ей посвящено также стихотворение Северянина «Голосистая могилка» (12 февр. 1931), написанное после их встречи в Париже. Впервые опубликовано Ю. П. Анненковым в книге «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» (Париж, 1966).

10 (23) февраля 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

Можно ли было ожидать, что цензура так подведет? Этому нет названия! Возмущен до глубины души этой наглостью. С воодушевлением продолжаю всё же учить.² Жду добавлений. Чувствую себя очень неважно. Хотелось бы повидаться с Вами, но не знаю — когда: выходить опасно, сильная простуда. Не помню, писал ли Вам, что в пятницу, после Вас, был у Маркова, и он болен и не мог принять. Надеюсь все же завтра или во вторник побывать еще. Если позволите, заеду и к Вам.

Примите мой голубой привет.

Сердечно Ваш
Игорь.

Воскресенье.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Очевидно, речь идет о произведениях Ф. Сологуба, включенных в программу его будущих лекций-конcertов при участии Северянина и Чеботаревской. Программы подобных публичных выступлений проходили цензуру. В архиве Сологуба сохранились цензурные экземпляры сборников стихов и прозы для концертного исполнения, составленные Ан. Н. Чеботаревской; в них входили и стихотворения Северянина (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, № 71).

11 (24) февраля 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

Совсем разболелся, — раньше, чем дня через два, боюсь выходить. Сейчас мама послала письмо М<арко>ву, — еще раз напомнить. Все это меня убивает — эта неопределенность, такая досадная. Удивлен несказанно: Какая это «буря»? Радуюсь, что Вы вышли победительницей, — это уж во всяком случае.² Да, к сожалению, мне не удастся попасть на Вагнера, хотя Вы правы: я очень заинтересован «Мейстерзингерами».³

Увы, Здобнов не успеет сделать так скоро карточку. Думаю вскоре сняться помоложе.⁴

Выучил надежно семь стих<отворений> Фед<ора> Кузм<ича>, которому сердечно кланяюсь. Мне очень хотелось бы поговорить с Вами

обо всем подробнее, — может быть, Вы будете в нашей стороне и доставите нам с мамой удовольствие Вас видеть? Мое палаццо еще только в проэкте... но я Вам всегда всею душою рад. А два дня сидеть дома так невыносимо.

Сердечно Ваш
Игорь.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Очевидно, Северянин возвращается к ситуации вокруг «Заложников жизни» и, в частности, к активной роли в ней Ан. Чеботаревской. Она подготовила доклад о пьесе и намеревалась прочесть его в Литературном обществе 4 янв. 1913 г. (доклад не состоялся, см.: Речь. 1913. 6 янв. № 5). Затем опубликовала статью «Чья победа?» (Новая жизнь. 1913. № 1. С. 269—289). 15 февр. 1913 г. «Русские ведомости» (№ 38) сообщали о том, что «уже второй раз г-жа Анастасия Чеботаревская выступает адвокатом г. Сологуба; она защищает его по делу „Заложников жизни“». «Доказательства победы г-жа Чеботаревская видит между прочим в том, что сейчас в Петербурге нет равнодушного читателя и зрителя „Заложников жизни“, что образ Лилит волнует всех и каждого, что о ней спорят, пишут, читают рефераты по всей России от Томска до Одессы» (см. также примеч. 1 к письму № 7 Северянина к Чеботаревской).

³ Известно, что Северянин был страстным меломаном. Об этом говорят его стихи и очерки.

⁴ В Музее Пушкинского Дома находится фотография Северянина на паспорту с адресом фотоателье Д. Здобнова и автографом поэта, датированным 1912 г.

12

25 февраля (10 марта) 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

Не забудьте, очень прошу Вас, что Вы, такая любезная, обещали сохранить мне билет на первое марта, — с восторгом приобрету его у Вас.²

Посылаю Вам стихи, — вчерашние стихи, — думая о Вас приятно.³

Ваш сердечно
Игорь.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² 1 марта 1913 г. в зале Тенишевского училища состоялась лекция Ф. Сологуба «Искусство наших дней».

³ Возможно, речь идет о стихотворении, также сохранившемся в архиве Сологуба: «Я хочу быть росой двух цветущих цветов...», с посвящением Ан. Н. Чеботаревской и датой: «1913. II. Петербург» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 55). С заглавием «Лучистая поэза» опубл. в сб. Северянина «Victoria Regia» (М., 1914; 4-е изд. М., 1918).

Февраль 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

Я буду очень рад, если Вы заедете сегодня вечером к нам. К 9-ти часам я буду, конечно, уже дома. Жду Вас непременно. Хорошо бы читать всюду «Любовь и Славу»!² Цензура, вероятно, разрешит. Крепко целую дорогого Федора Кузьмича. Мама шлет Вам и ему сердечный привет и просит к нам.

Дайте мне Ваши ручки.
Ваш Игорь.

¹ Датируется по содержанию.

² Предположительно, к письму был приложен недатированный автограф стихотворения Северянина «Любовь и Слава» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 20—21). Впервые опублик. в сб. «Громокипящий кубок» (М., 1913), с датой: 1912 г. Упоминание о цензурном разрешении, возможно, связано с тем, что стихотворение еще не появилось в печати: первое изд. сборника вышло 4 (17) марта 1913 г. В программах и афишах весенней поездки 1913 г. Сологуба, Чеботаревской и Северянина это стихотворение не названо. В одном из альбомчиков «В гостях» известного петербургского литератора и коллекционера Ф. Ф. Фидлера, на страничке, озаглавленной: «У Сологуба. 23 февр. 1913», оказались любопытные записи. Двустихие Ан. Чеботаревской, отражающее главный мотив стихотворения Северянина: «Любовь и Слава — две сестры // Но совместить их — невозможно», и ниже — автограф Сологуба: «Любовь и Слава — две сестры, // Прозрачноструйны и остры», с примечанием: «(плагиат из Игоря Северянина)» (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 12, л. 17). Двустихие Сологуба обыгрывает строки из поэмы Северянина «Поэза моего детства и отрочества»: «Река и дева, две сестры // Ведь каждая из вас, как стерлядь: // Прозрачноструйны и остры». См. также примеч. 2 к письму № 8 Северянина к Чеботаревской.

26 апреля (9 мая) 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна, я сердечно признателен Вам за Ваш отклик и за пересылку письма из Баку.²

Еще не выхожу, совсем нездоровится. Ежедневно светло Вас и Федора Кузьмича вспоминаю, грущу глубоко, во многом согласен с вами, обвиняю себя. Это больно.³ Якобсон еще не был у меня, но, если предложит Москву, я приму его предложение.⁴ Впрочем, я это уже говорил и Вам.

На днях еду нанимать избу для творчества. И для угасающей женщины, перед которой я безмерно виноват.⁵ Виноват перед многими. Я обречен на скорбь, на одиночество.

Игорь.

Приписка сверху:

Не будет улыбок на лице моем, в устах моих слов не будет. Пусть все в стих вместится. Не надо меня.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² О каком письме идет речь, установить не удалось.

³ Северянин высказывает сожаление о том, что начале апр. 1913 г. прервал свое участие в турне и вернулся в Петербург.

⁴ В архиве Сологуба сохранился договор, заключенный между Сологубом и антрепренером Евгением Исааковичем Якобсоном. Документ не датирован (но, скорее всего, относится к февр. 1913 г.), не заверен и подписан только Якобсоном. Приведем его некоторые пункты: «1) Я, Е. И. Якобсон, сим обязуюсь устроить в Петербурге, Минске, Вильне, Харькове, Екатеринославе, Кишиневе, Севастополе, Симферополе, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Баку, Тифлисе и Москве лекции и вечера Ф. К. Тетерникова (Ф. К. Сологуба) с участием А. Н. Чеботаревской и Игоря Васильевича Лотарева (Игоря Северянина) <...> 4) Я, Ф. К. Тетерников, предоставляю Е. И. Якобсону устраивать мои лекции и вечера от 1 марта до 5 апреля включительно, т. е. всего в течение 36 дней. 5) В Москве я, Ф. К. Тетерников, предоставляю Якобсону устраивать мою лекцию после 14 апреля» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 39, л. 9).

⁵ Речь идет о поисках Северяниным дачи для себя и Е. Я. Золотаревой, которая ждала в это время ребенка. Их дочь Валерия родилась 21 июня 1913 г.

15

Конец апреля—начало мая 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

Я вернулся вчера из Корфа² в одиннадцатом часу веч<ера> (поезд с опозданием), вернулся в усталости, прямо в изнеможении от нее, и передала мне мама письмо Ваше, полученное после моего отъезда через четверть часа. В воскресенье я приехал домой из Обухова³ к 10 1/2 ч<а-сам>, нетерпеливо ждал Вас, подумал, что Вы, засидевшись в гостях, прямо на вокзал проехали, и вот — в результате — съездил к морю один. Ничего я там не нашел, — все очень открыто (деревья где-то внизу), удручающе, скученно (и скучно, а грусть? нет ее там!) и дорого, и уж очень наго. 8 верст я прошел до Пьерца (дорога лучше всего), столько же обратно: не поехал обратно от Вайвары,⁴ — некуда было времени девать, прошелся тою же дорогой. Нет там... воспоминаний! — вот чего там не хватает. Сейчас еду в Елисаветино.⁵ Сердечный привет Вам и Фед<ору> Кузм<ичу>. Надеюсь, Вы совершенно уже здоровы. Вернусь часам к десяти. Если у Вас сегодня соберутся, то, пользуясь Вашим приглашением, с Вашего разрешения, заеду.

Всего голубого.

Ваш Игорь.

¹ Датируется по содержанию. Конверт без адреса: Анастасии Николаевне Чеботаревской.

² Корф — железнодорожная станция на линии Петербург—Нарва. Триолет Ф. Сологуба «Купол церкви, крест и небо...» из цикла «Очарования земли», датированный 11 июля 1913 г., подписан: «Вагон. Нарва — Корф» (*Сологуб Ф. Собр. соч.* СПб.: Сириус, 1914. Т. 17. С. 46). Стихотворение Северянина «Балтика: Балтийская поэза» имеет подпись: «1913. Корф — Веймарн» (*Северянин И. Соч.* Таллин, 1990. С. 39—41).

³ Обухово — окраина Петербурга.

⁴ Пьерец и Вайвара — дачные места Эстляндской губернии на берегу Финского залива.

⁵ Елизаветино (Елисаветино) — железнодорожная станция в окрестностях Гатчины.

16

12 (25) мая 1913

Веймарн,¹
м<ыза> «Пустомержа»,
1913, V, 12.

Дорогая Анастасия Николаевна, приехали сюда только десятого,² т. к. 9-го мне нездоровилось. Почти устроились, уже вхожу в колею. Приехав, нашел письмо от Кригеля.³ Не знаю его адреса. А дни так осенне одождены! Скоро писать буду, — писать стро<же?>. Вас и дорогого Федора Кузм<ича> жду к себе. Целую Вашу руку, его крепко обнимаю. Пишите. Гамак повесил в столовой, и качаюсь, смотря на Мирру.⁴ Да, очень хорошо — гамак в комнате, — в столовой.

Всего, всего хорошего, светлого.

Игорь

¹ В стихотворении 1918 г. «У Сологуба» Северянин вспоминал лето 1913 г.: «Из Веймарна к нему приехать / Мне нравилось в рассветный час...».

² 7 июня 1913 г. Северянин писал В. Я. Брюсову: «Я переехал сюда 10-го мая, окончив свое турне с Ф. К. Сологубом 12 апреля. Мы с ним выступили в 11 городах, но из Кутаиса я уже уехал в Петербург, желая провести Пасху дома. Он же с Анастасией Николаевной ездил еще в Батум; вернулись они на третий день Пасхи» (*Игорь Северянин. Царственный паяц.* С. 92).

³ *Кригель Н. К.* — владелец Бюро по устройству лекций и концертов в Минске, один из организаторов лекционного турне Сологуба 1913—1914 гг. Сохранились письма Кригеля к Сологубу и Ан. Чеботаревской (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 365; № 881, л. 43—61 об.; № 882, л. 34—46 об., 50—56; оп. 5, № 140); в этих письмах неоднократно упоминается Северянин в связи с его участием в турне 1913 г.

⁴ Речь идет о портрете Мирры Александровны Лохвицкой (1869—1905) — поэтессы, которой всю жизнь поклонялся Северянин. Ей посвящено множество его стихов и сб. «Миррэлия» (Берлин, 1922).

21 мая (3 июня) 1913

Веймарн, «Пустомержа».

21-го мая 1913 г.

Сейчас получил Ваше второе письмо, дорогая Анастасия Николаевна, письмо с вырезкой — за которую я Вас очень благодарю, — из «Русского Слова». ¹ Я прямо озадачен, что Вы не получили моего письма — большого: на 4-х стр<аницах> — посланного 18-го мая, в субботу. Письмо весьма непосредственное. Я отправил его с нашим Николаем, который, перевезя нас на дачу и помогши устроиться, уезжал 18-го в Петербург. В нем, между прочим, я благодарил Вас за вырезки о Бальмонте, ² подробно описывал свое времяпрепровождение и приглашал в Веймарн. ³ Теперь жду Вас и Фед<ора> Кузм<ича> к себе; пожалуйста, уже из Пет<ербурга> не успеете, а приедете прямо из Орро. ⁴ Очень жаль все-таки, что письмо мое пропало, и отчего — неизвестно. Целую Фед<ора> К<узьмича>, Вам шлю искренний привет.

Душевно Ваш
И. Лотарев.

¹ Возможно, речь идет о статье А. А. Измайлова «Красавица, нюхающая табак», посвященной поэзии Игоря Северянина (Русское слово. 1913. 16 мая. № 112). Уехав из Петербурга 9 мая, Северянин не мог купить нужную газету. В заключение статьи автор писал: «Игорь Северянин, это — красавица, нюхающая табак, хромой принц, алмаз с отбитым боком <...>, талантливый художник, почему-то предпочитающий писать помелом пестрые плакаты. <...> не рожденный в княжеской колыбели, он сделает тем лучше, чем скорее оставит своих принцесс и чем скорее выйдет из роли купринского героя „Гранатового браслета“». Позднее поэт рассказывал об этой статье Л. Борисову: «Всю жизнь буду писать о мечте, о грезах, о красивой жизни <...> Ненавижу реальность, то, что вы называете жизнью. Я сотворю свою, другую реальность, понимаете? Один критик назвал меня красавицей, нюхающей табак. Мне это льстит: я красавица, иначе говоря, я красивый человек» (Борисов Л. За круглым столом прошлого. С. 108).

² Скорее всего, Северянин благодарит Чеботаревскую за газетные статьи о приеме литературной общественностью вернувшегося из-за границы К. Д. Бальмонта. Во избежание репрессий за политические стихи и сотрудничество с большевиками Бальмонт в дек. 1905 г. нелегально покинул Россию, жил в Париже, много путешествовал и вернулся в Россию лишь после объявления амнистии политэмигрантам — 5 мая 1913 г. В Москве состоялась чествования поэта: 7 мая в Обществе свободной эстетики, а 9 мая в Литературно-художественном кружке. См.: Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт с утренной душой: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М., 2003. С. 266—268.

³ Письмо Северянина от 18 мая обнаружить не удалось.

⁴ Орро или Тойла-Ору — часть поселка Тойла в устье реки Пюхайыги, с живописным парком и виллой купца Г. Елисеева. Судя по подписям под стихотворениями Сологуба, с 26 мая по 6 сент. 1913 г. они с женой жили в Тойле. Несколько стихотворений Сологуба, датированных 2 июня 1913 г., помечены: «Пустомержа. У Игоря Северянина».

Весна 1913¹

Дорогая моя Анастасия Николаевна!

Не будете ли Вы добры — не дадите ли мне третью книжку «Заветов»² только до субботы? В субботу вечером я был бы очень рад Вам и Фед<ору> Кузм<ичу>. Я чувствую себя очень растерянно, сердце сжимается перед чем-то страшным. Перебои, замирания. Уже успел соскучиться без Вас и Ф<едора> К<узьмича> — привык очень. Его я горячо целую, и Вам мой привет, маленькая. Мой удел — вечно тревожиться. Сквозь улыбки...

Ваш Игорь.

На обороте: Е<е> В<ысокородию> Анастасии Николаевне Чеботаревской.

Не вышла ли «Новая Жизнь»?³

¹ Датируется по содержанию.

² Возможно, речь идет о третьем, мартовском номере журнала «Заветы» за 1913 г., где помещена статья Иванова-Разумника «Мороженое из сирени» (с. 217—222). Начатая строфой из одноименного стихотворения Северянина, статья посвящена его сб. «Громокипящий кубок». Критик признает, что автор сборника — «несомненно, талантливый поэт — самобытный и красочный лирик», сила которого в том, что он «чувствует по-своему, видит по-своему, — и по-своему же выражает то, что видит и чувствует». В то же время Иванов-Разумник выражает надежду, что Северянин серьезнее отнесется к увлечению новыми словообразованиями, «изысками».

³ Следует отметить, что Ан. Чеботаревская дружила с редактором журналов «Новая жизнь» и «Новый журнал для всех», сотрудником газеты «День» (СПб.) Исааком Максимовичем Розенфельдом (псевд. — И. М. Ольгин). Сохранились его письма к Чеботаревской за 1912—1921 гг.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 235. В «Новой жизни» были опубликованы стихотворения Северянина: «В июле» (1913. № 2. С. 17), «Поэза о Фофанове» (1913. № 12. С. 5), «Рондели белой ночи» (1914. № 11. С. 5).

Весна 1913¹

Дорогая

Анастасия Николаевна!

Вчера не попал в «Дылицы»,² — сегодня или завтра придется. Очень благодарю за милое приглашение, на днях забегу.

Фед<ора> Кузм<ича> крепко целую.

Мама шлет Вам и ему свой привет. Целую Вашу ручку.

Игорь.

Ваше здоровье? Как легко Вы простуживаетесь! Совсем не бережетесь.

¹ Датируется приблизительно по содержанию.

² Дылицы — усадьба со старинным парком в окрестностях Гатчины, где находилось имение Трубецких и где любил отдыхать Северянин. Многие стихи поэта написаны в этой местности.

20

7 (20) сентября 1913

7-го сент. 1913 г.

Дорогая Анастасия Николаевна!

Я переехал сюда еще 2-го сент<ября>,¹ но до сегодняшнего дня чувствовал себя отвратительно. Все болел бок, и, вообще, простудился я сильно.

Теперь лучше. Очень хочу повидаться с Вами и Фед<ором> Кузм<ичем>. Как только на днях начну выходить, — к Вам, конечно. Мама шлет Вам и Ф<едору> К<узьмичу> свой сердечный привет. У нас генеральный ремонт, все перевернуто.

Привезу 2-е изд<ание> — вчера вышло.²

Ваш всегда
И. Лотарев.

¹ Судя по подписям под стихами, Северянин с мая по авг. 1913 г. жил в Веймарне, откуда теперь возвратился в Петербург.

² 26 авг. (8 сент.) 1913 г. вышло второе издание сборника Северянина «Громокипящий кубок» (М.: Гриф, 1913), экземпляр которого сохранился в составе библиотеки Сологуба в ИРЛИ. Надпись гласит: «Дорогому Федору Кузмичу Сологубу — любящий автор. 1913. Осень» (шифр: 1939и/3460).

21

Сентябрь 1913¹

Я посылаю Вам, дорогая Анастасия Николаевна, свою новую книгу² и весьма сожалею, что одно из моих писем к Вам, по-видимому, потерялось: я сообщал Вам о своем нездоровии.

Со 2-го сент<ября> — без выхо^дн^о дома.

Я шлю Вам и Ф<едору> К<узьмичу> сердечный привет и извинения за некоторые неточности, не от меня зависящие. Раньше понедельника мне, к сож<алению>, трудно выбраться куда-либо. Отчего же Вы не заглядываете?

¹ Датируется по содержанию. Письмо (записка?) на визитной карточке Северянина с адресом: СПб., Средн. Подьяческая, 5, кв. 8. Конверт без почтового штемпеля, адресован на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

² См. примеч. 2 к письму № 20. Предположительно, имелся экземпляр второго издания сборника «Громокопящий кубок», надписанного и Ан. Н. Чеботаревской.

22

Сентябрь 1913¹

Дорогая Анастасия Николаевна!

С утра было предчувствие новой беды! Стряслась, конечно: возвращаясь от Переверзева,² потерял половину документов, — паспорт 1903 г., метрику о смерти отца, прошение, указ об отставке отца. Потрясен, и нервы не выдержали. Уж Вы простите, что не приехал к обеду, да и теперь не в силах, — я так истерзан.

До понедельника, — к часу буду у Вас.

Крепко целую Федора Кузмича.

Ваш бессмертно
Игорь.

Мама Вам и Ф<едору> К<узьмичу> очень кланяется. Она совсем расстроена.

¹ Датируется предположительно по содержанию. Письмо адресовано в Петербург, на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4. Почтовый штампель на конверте почти оторван.

² *Переверзев Павел Николаевич* (1871—1944) — адвокат, общественный и государственный деятель. Был министром юстиции во Временном правительстве. Упоминается Северяниным в очерке «Салон Сологуба» в числе посетителей домашних вечеров Сологуба (*Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 45). Сохранилось письмо к Ф. Сологубу от 8 апр. 1912 г. присяжного поверенного П. Н. Переверзева на именном бланке с адресом: «СПб, Каменноостровский пр. 35а» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 532). В генеалогическом списке, составленном в начале 1920-х гг., Северянин называет среди родственников матери семью Переверзевых (*Северянин И.* Соч. Т. 3. С. 397).

23

10 (23) июля 1914¹

10 июля 1914 г.

Ст<анция> Пудость, Балт<ийской>
ж<елезной> д<ороги>, мыза «Ивановка»,
охотн<ичий> дворец Павла 1-го.²

Опять в моем старом парке! Это так хорошо, дорогая Анастасия Николаевна, так мне любо! Лишь вечер — столько былого, кот<орое> прекраснее, прекраснее будущего! О сердце я говорю, лишь о душе своей. 7-го мы переехали. И мама с нами. Пока. До сент<ября>. Я устроил квартиру чудесно. Каждая вещь на своем месте. Мой кабинет да же

мне нравится. И я уже работаю. И работать здесь — упоительно. Лучше нельзя придумать. Вас и Фед<ора> Кузм<ича> ждем вскоре. Нельзя же проехать мимо, если здесь очаровательно, нет, серьезно.

Любящий Вас и Фед<ора> Кузм<ича>
Игорь.

¹ На почтовой карточке адрес: Ст<анция> Жеве, Балт<ийской> ж. д., Орро, дача Мегар.

² Мыза (от эстонского: хутор, усадьба) Ивановка — дачное место недалеко от Гатчины. В окрестностях Петербурга, в одном из пейзажных парков Гатчины находится дворец, построенный в конце XIX в. по проекту А. Ринальди в виде охотничьего замка. В 1783—1801 гг. Гатчина принадлежала Павлу I.

24

19 июля (1 августа) 1914¹

Мыза «Ивановка»,
19 июля 1914 г.²

Дорогая

Анастасия Николаевна!

Со всею страстью живу от газеты до газеты, ожидая возгрома того Грандиоза, который мне, в силу своего величия, так необходим, так нужен. Я хочу, чтобы все дрались, бились, уничтожали друг друга, сходили бы с ума от злобы, гнева, хвастовства, чтобы все стали поэтами Протеста, протеста даже беспричинного, чтобы победила всех и вся одна Россия, как страна, в которой я родился, я живу и я гремлю! Победа России — моя победа! От своей же победы я не могу, я не в силах отказаться.

Скорее, скорее надо объявить войну Австро-Германии! Если бы я был одинок в семейном смысле, я тотчас бросился бы в Петербург, взял бы верховую лошадь и из седла прокричал бы перед Герм<анским> посольством всю поэзу: «Германия, не забывайся», эту удивительную, эту пророческую поэзу, выявленную из небытия еще за несколько дней до убийства Франца-Фердинанда, в дни невыносимых опаловых недвижных удуший, когда я предсказывал Какие-то События, всем и каждому!³ И вот я еду по Петерб<ургу> перед толпой и читаю, читаю, читаю. И толпа пылает, ибо я так хочу! В этом — мое назначение. Глубоко верю и скорблю от бездействия.

С радостью дал бы Вам эту поэзу, но уже отправил ее в «Утро России». Вам пришлю завтра же другую, личную, остро-личную. Благодарю очень за письма, Вами пересылаемые. Мы все ждали Вас 16-го и 17-го, оба дня, жалели, что не дождались. Ждем впредь; только сообщите день и поезд, — приду встретить.

Пока не могу писать больше ничего: волнуясь и бегу на станцию за газетой.

Федора Кузмича крепко целую.

Игорь.

¹ Письмо адресовано на станцию Жебе, Балт<ийской> ж. д., Орро, дача Мегар.

² 19 июля (1 авг.) 1914 г. в 4 часа дня Германия объявила войну России.

³ Речь идет о стихотворении «Германия, не забывайся!», впервые опубликованном (без даты) в изд.: В эти дни: Литературно-художественный альманах. М.: Наши дни, 1915. С. 33. В сб. Северянина «Victoria Regia» (М.: Наши дни, 1915) стихотворение вошло с подписью: «Эст-Тойла 1914. Июнь» и примечанием: «Поэза эта написана автором за несколько дней до убийства Франца-Фердинанда, наследника австрийского престола...» (Северянин И. Соч. Т. 1. С. 543). Автограф стихотворения сохранился в архиве Сологуба (ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 31, л. 17—17 об.); возможно, он был приложен к письму Северянина к Сологубу № 5. Убийство Франца-Фердинанда и его жены произошло 15 (28) июня 1914 г. в Сараево и было использовано как повод для начала первой мировой войны. Выраженное в стихах восторженное настроение первых дней войны, за которое Северянин порой подвергался насмешкам, было присуще не ему одному. Ср. дневниковые записи известного искусствоведа барона Н. Н. Врангеля от 21 июля 1914 г. Отмечая «возбуждение, восторг», «волнение и энтузиазм, охватившие Петербург после объявления войны», Врангель писал: «Только война, потрясая все человечество, может пробудить в нем чувства, которые, казалось, уже не существуют, и как ни странно сказать, но пока будет война, не умрет и благородство ощущений. И обратно: при воцарении мира, о котором так бесплодно мечтают все пацифисты, настанет и день бездушного безразличия и сытого равнодушия, этого злейшего врага всякой поэтической мысли и духовного усовершенствования. Нет, как ни ужасно, как ни страшно кровопускание мировой бойни, но необходимо оно и только ею очистится и облагородится отупевшее и разжиревшее человечество. Вот почему, как ни трагичны для отдельных людей и стран войны, но для истории человеческой мысли и рыцарства войны необходимы...» (Врангель Н. Н. Дни скорби. Дневник 1914—1915 годов. СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 19—20). Сологуб также был охвачен патристическими настроениями и с уверенностью утверждал: «Прежде чем весна откроет ложе влажное равнин, // Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин» (Утешение Бельгии: Современная война в русской поэзии. Пг., 1915. С. 160).

25

28 июля (10 августа) 1914

Пользуюсь, дорогая Анастасия Николаевна, Вашей любезностью — посылаю новейшее стихотв<орение> для «Дня». ¹ Мой Перунчик ² взят на войну! Был вчера у меня весь день. Уходит 31-го. Это мне больно, но он пылает. О, если бы Вы его видели! Я много работаю, гуляю, ожидаю Вас и Фед<ора> Кузм<ича>, которого целую пламенно. Мама еще здесь. Живут все мирно, — меня могут взять ежедневно.

Ваш Игорь.

Мыза «Ивановка».

28 июля 1914 г.

¹ Пользуясь «любезностью» (т. е., очевидно, протекцией Чеботаревской), Северянин посылает ей стихотворение «Поэза к Европе» («Вильгельм II, германский император...»), датированное июлем 1914 г. Позднее вошло в сб. «Victoria Regia».

² Имеется в виду поэт из окружения Северянина Петр Ларионов, «прозванный Фофановым за свою „динамичность“ Перунчиком» (*Северянин И.* Газета ребенка (И. В. Игнатъев и его «Петербургский глашатай») // *Северянин И.* Соч. Т. 5. С. 78). П. Ларионову посвящены стихотворения Северянина: «Триолет» («Мне что-то холодно... А в комнате тепло...») (1909), «Высшая мудрость» («Я испытал все испытанья...») (1918).

26

2 (15) ноября 1914

2 ноября 1914 г.

Дорогая Анастасия Николаевна, и мама, и Е<лена> Я<ковлевна>,¹ и я были бы весьма рады видеть Вас и Фед<ора> Кузм<ича> завтра, во вторник, у нас. Вспомните же свое обещание на днях к нам приехать и приезжайте, пожалуйста. Как давно Вы у нас не были, как хорошо было, когда Вы бывали!

Игорь.

¹ Имеется в виду Е. Я. Золотарева, гражданская жена Северянина.

27

14 (27) ноября 1914¹

Итак, мы ждем Вас и Фед<ора> Кузм<ича> завтра, в субботу, от семи вечера, дорогая Анастасия Николаевна, а пока целую ручки и шлю вам сердечный привет. Приезжайте, пожалуйста, будем очень рады.

Ваш И. Лотарев.

¹ Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю. Адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4.

28

18 ноября (1 декабря) 1914¹

Ср<едняя> Подьяч<еская>, 5, кв. 13.

Среда.

М<ожет> б<ыть>, дорогая Анастасия Николаевна, Вы и Фед<ор> Кузм<ич> можете в эту субботу? Тогда мы были бы очень рады. Все

думал сам к вам зайти, но трудно собраться, много хлопот с концертами. Всего хорошего. Мама и Е<лена> Я<ковлевна> шлют приветы и приглашение.

Ваш И. Лотарев.

¹ Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю. Адресовано на Разъезжую улицу, д. 31, кв. 4.

29

25 ноября (8 декабря) 1914¹

Не приедете ли Вы, милая Анастасия Николаевна, с Фед<ором> Кузм<ичом> в понедельник вечером? Будьте добры, известите меня заранее. Шлю Вам привет и ожидание.

Ваш И. Лотарев.

Среда.

¹ Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю. Адресовано на Разъезжую улицу, д. 31, кв. 4.

30

30 ноября (12 декабря) 1914¹

К сожал<ению>, светлая Анастасия Николаевна, я не могу быть сегодня у Добычиной,² т. к. меня вчера сильно продуло, когда я возвращался после нашего поэзовечера из психоневрол<огического> инст<итута>.³ Но я не теряю надежды видеть Вас и милого Фед<ора> К<узьмича> завтра, в понедельн<ик>, у нас. Так давно ждем Вас. Приезжайте, когда вам удобнее (от 7 до 12). Но если можно — именно завтра. Наши Вам очень кланяются и ждут. Будьте добры, ответьте с Машей,⁴ но не отвечайте отрицательно.

Целую Ваши ручки.

Фед<ора> К<узьмича> целую.

Ваш И. Лотарев.

Воскресенье.

¹ Датируется по содержанию. Письмо адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4, но без почтового штемпеля.

²Добычина (урожд. Фишман) Надежда Евсеевна (1884—1940) — организатор Художественного бюро, где в 1912—1918 гг. проводились выставки русского авангарда (с 1914 г. — на Марсовом поле, д. 7). О ярких экспозициях и «об особой атмосфере Выставочного профессионализма» см.: Розенталь Л. В. Непримечательные достоверности / Публ. Б. Рогинского // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 23. С. 30—32. По воспоминаниям Добычиной, в ее квартире на Дивенской улице с декабря 1911 г. некоторое время жил Маяковский, там же устраивались вечера его стихов (см.: Альманах «Поэзия». М., 1983. Вып. 36. С. 103—109). В Художественном бюро Добычиной устраивались аукционы художественных произведений, в том числе в пользу Лазарета Деятели Искусства (см. приглашение на 24 и 25 окт. 1915 г. на имя Ан. Чеботаревской: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 312, л. 28—29). В пользу этого же Лазарета 30 янв. 1916 г. Ан. Чеботаревская устроила в Художественном бюро вечер памяти Оскара Уайльда. После вступительного слова Ф. Сологуба (прочитано гр. В. П. Зубовым) свои произведения читали М. А. Кузмин, К. Д. Бальмонт, Н. Н. Евреинов и др. Затем артисты читали произведения Уайльда, а также сонет Северянина «Оскар Уайльд» (1911) («Вечер поэтов» в пользу лазарета деятелей искусств // Речь. 1916. 2 февр. № 32).

³29 нояб. 1914 г. в Психоневрологическом институте для нервнобоных воинов (Петроград, Кузнечный пер., 14) состоялся поэзовечер Северянина и альманаха «Очарованный странник». В письме к Б. Д. Богомолу, предположительно датированном публикаторами дек. 1914 г., Северянин писал: «...экстренно сообщаю, что в эту субботу состоится наш поэзовечер в зале Психоневрологического института» (Игорь Северянин. Царственный паяц. С. 81).

⁴Возможно, речь идет о М. В. Домбровской.

31

17 (30) декабря 1914¹

Милая Анастасия Николаевна, посылаю Вам и Фед<ору> Кузм<ичу> билеты. Буду очень рад, если приедете на мой вечер. У нас заболела Валерочка,² горит и кашляет, сейчас посылают за доктором. Все расстроены. Моя инфлуэнца все еще терзает и раздражает меня. Уж и не знаю, как поеду 21-го в Москву. Целую Ваши ручки и кланяюсь Ф<едору> К<узъмичу>. Наши Вам кланяются.

Ваш И. Лотарев.

Притиска сверху:

И еще одно «уныние»: закрыли все вина!³ Боюсь, ничего после вечера не выйдет. Ужасно досадно.

¹Датируется по почтовому штемпелю. Адресовано на Разъезжую улицу, д. 31, кв. 4.

²Валерочка — полуторагодовалая дочь Игоря Северянина и Е. Я. Золотаревой (род. 26 июня 1913 г.).

³С 16 сент. 1914 г. на время войны была прекращена казенная торговля водкой.

21 декабря 1914 (3 января 1915)¹

Через час уезжая в Москву,² шлю Вам, светлая Анастасия Николаевна, привет и поздравления. Если буду жив, вернусь 24-го утром. Фед<ора> Кузм<ича> целую.

Ваш И. Лотарев.

21 дек.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адресовано на Разъезжую улицу, д. 31, кв. 4.

² Речь идет о «поззавечере» Игоря Северянина в Москве, в Политехническом музее, с докладом В. Р. Ховина «Футуризм и война», состоявшемся 21 дек. 1914 г.

27 июня (10 июля) 1915

27 июня 1915 г.

«Тойла», почтов<ое> отдел<ение>
Эстляндской
губ<ернии>, дача Крут.¹

Благодарю Вас, многоуважаемая Анастасия Николаевна, за приглашение в ваши края, — но мы с Марией Васильевной² крепко обосновались здесь и не думаем уехать отсюда ранее августа, тем более, что М<арии> В<асильевне> здесь нравится, и она не хочет никуда ехать. Естественно, что я один не имею ни малейшего желания уезжать из Тойлы, т. к. мы с нею всегда и везде вместе.

Была такая шумная зима, так много было перенесено неприятного, что побыть в «двуединстве» — разве же не упоительно?.. Никто к нам не приезжает, сами мы никуда не показываемся, зато — продуктивно работается, благодатно чувствуется, душа утишается.

А в августе мы переезжаем в Нарву, — навсегда переезжаем. Всю мебель, которая куплена весной и теперь на складе, перевезем в Нарву.

Там, — вот чувствую, — хорошо можно устроиться в каком-нибудь особняке с большим садом над неизвестной, но влекущей душу мою, Наровой.

Неделю пробыл у нас Долидзе:³ приехал по делу, оставили, — погостил. Тихий он, и ходил всегда в одиночестве по парку и полянам. Никого не стесняет никак, живет сам в себе. Знакомых нет ни одного человека, и тем лучше: лето для одиночества — «двуединства»... Лето

стоит мягкое, нежаркое, влажно-сухое. Гуляем очень мало, — не тянет. Садик, правда, маленький, мизерный, гулять по себе не располагающий. Дача двухэтажная: 3 внизу, 3 наверху. Верх пустой: нас ведь только двое — ...один, одна... Мама живет на даче в Гатчине (Мариинская, 24). С 23-го мая. Не был у нее еще. Переписываемся изредка.

Люблю Фед<ора> Кузм<ича> и часто видеть его хотелось бы! увы, не приходится...

Примите искренний привет и поцелуйте крепко Фед<ора> Кузм<ича>, милого Фед<ора> Кузм<ича>. Мурочка⁴ все его книги перечитала, Мурочка всеми его выявленными перебивала: Мурочка чуткая, праведная, умная-умная она. Только с нею жизнь истинная начинается, до нее — прозябание, после нее — конец.

С приветом
И. Лотарев.

¹ Северянин снимал дачу в доме Микхеля Круута, отца своей будущей жены, Фелисы Михайловны Круут (1902—1957).

² О М. В. Домбровской, гражданской жене Северянина с 1915 г., см. в примеч. 6 к письму № 8 к Ф. Сологубу.

³ *Долидзе Федор Ясеевич* (1883—1977) — импресарио, организатор литературных выступлений Северянина, Маяковского, Сологуба и др. 16 дек. 1913 г. Ан. Чеботаревская, приглашая Вяч. Иванова в Петербург с публичной лекцией, рекомендовала ему: «наш устроитель лекций г. Долидзе, — вполне надежный и энергичный человек» (*Вяч. Иванов. Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 147*). О сложившемся деловом и доброжелательном сотрудничестве свидетельствуют и письма Долидзе семье Сологуба. Так, после появления в «Биржевых ведомостях» тифлисской корреспонденции «Спекуляция с лекцией Ф. Сологуба», где говорилось о том, что Ф. Долидзе желал заработать «на Сологубе и назначил шалапинские цены. Театр не был полон, <...> а публика вышла из театра немного разочарованной» (1913. 13 апр. № 13497), импресарио в письме от 28 апр. 1913 г. успокаивает Ан. Чеботаревскую: разве «те теплые приемы, овации, почти полные сборы не являются ли доказательством того, что публика относится к Вашим вечерам с полным вниманием» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 98). Их сотрудничество продолжалось и в последующие годы. Недоброжелательные воспоминания о Ф. Долидзе и, в том числе, об организованном им «короновании» Северянина в феврале 1918 г. см.: *Шершеневич В. Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 492—494*. Перед отъездом в Эстонию Северянин оставил Ф. Долидзе рукопись одной из своих книг. В письме от 3 июня 1923 г. из Москвы Долидзе сообщил Северянину о пропаже рукописи, а также обещал ему помощь в оформлении документов для въезда в Россию и в организации литературных вечеров (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой 1916—1938. С. 150—151*).

⁴ Речь идет о Марии Васильевне Домбровской (см. примеч. 6 к письму № 8 Северянина Сологубу).

Сентябрь (октябрь) 1915¹

Милая Анастасия Николаевна, очень извиняюсь и жалею, что никак не попаду к вам, но так смертельно устаю и нервничаю, что положительно подумываю о самоубийстве. Не успею приехать домой, валюсь и засыпаю в полном изнеможении, а ночью меня терзают кошмары, и я весь в поту, просыпаюсь беспрерывно, все ужасы меня преследуют. Умру так скоро. Бедные стихи мои!

Да и вообще дела очень плохи. Лучше и говорить не буду.

Будьте добры — пришлите с Машей² стихи, переписанные на машинке, — я их подпишу.³ А сам приду тогда, когда или дадут мне свободу, или когда возьму отпуск на весь день. Теперь это неудобно сделать.⁴ И будьте добры — пришлите заодно две книжки Ваши, если у вас есть, конечно, лишние экзempl<ары>.⁵

Грустно мне невыразимо, сердце мое измучено; Боже, за что такое наказание?!

Фед<ора> Кузм<ича> целую крепко.

Ваш И. Лотарев.

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Имеется в виду гражданская жена Северянина М. В. Домбровская.

³ В архиве Сологуба сохранились недатированные машинописные копии десяти стихотворений Северянина 1911—1914 гг.: «Диссона», «Балькис», «Поззоконцерт», «Весенний день», «Еще вы девушка...», «Поэза вне абонемента», «Когда ночами все тихо-тихо...», «Воздушная яхта», «Увертюра», «Белая фея» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 87, л. 2—12).

⁴ Возможно, речь идет о воинской службе в 1915 г.

⁵ Очевидно, Северянин просит Чеботаревскую прислать составленные ею книги: «Россия в родных песнях» и «Война в русской поэзии», вышедшие в Петрограде в 1915 г.

Конец сентября—октябрь 1915¹

Мой адрес:

М<алая> Подьяческая, д. 8, кв. 11.

Милая Анастасия Николаевна!

Узнал, что вы приехали.² С удовольствием заехал бы к вам сегодня же сам, но болен и не имею права отлучиться из дома, все время ожидая врача из полка. Поэтому очень прошу Вас и Фед<ора> Кузм<ича>

непременно приехать ко мне сегодня, когда вам удобнее: буду ждать весь день. А завтра к семи утра я должен быть в казармах. И не знаю, когда там еще увидимся.

Итак, очень вас жду. Пожалуйста.

Ваш И. Лотарев.³

¹ Датируется предположительно по содержанию. Письмо адресовано на Разъезжую ул., д. 31, кв. 4, без обозначения города. Конверт без почтового штемпеля.

² Летом и в начале осени 1915 г. Сологуб и Чеботаревская отдыхали на Волге. Последнее из стихотворений Сологуба этого года с подписью «Ярославль» датировано 22 сент.

³ Возможно, названные в письме обстоятельства относятся к малоизвестному в биографии Северянина факту — его недолгой воинской службе. Подробнее см. во вступ. статье к наст. публ.

36

Без даты

Дорогая Анастасия Николаевна!

В 3 1/2 ч<аса> заезжал к Вам, — завозил клише, но, к сожал<ению>, увидел записку: «дома нет».

Посылаю теперь с прислугой, — сам очень озяб и, вообще, простужен.

Нежно целую Ваши ручки.

Мой светлый привет Фед<ору> Кузм<ичу>.

Сердечно Ваш
Игорь.